

Дальневосточное региональное литературное издание

Литературный меридиан

Сентябрь 2009 г.
№ 9 (21)

В.К. АРСЕНЬЕВ

К ЮБИЛЕЮ В. ШУКШИНА
Владимир ТЫЦКИХ
(с. 4)

ОТРЫВКИ ИЗ КНИГИ
Валентин КУРБАТОВ
(с. 8)

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ
Олег КОПЫТОВ
(с. 18)

НАША ПОЧТА
(с. 26)

ЕЖЕМЕСЯЧНИК ИЗДАЕТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА «МИЛИЦЕЙСКИЙ ВЕСТНИК», г. АРСЕНЬЕВ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

Памятник В. Шукшину. Автор – В.М. Клыков. с. Сростки, гора Пикет

Фото Владимира ТЫЦКИХ

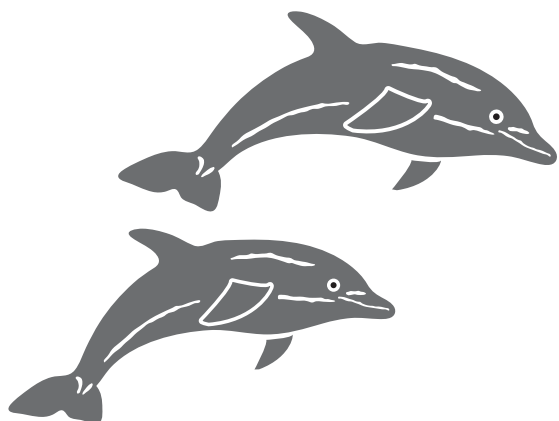
ПОЭЗИЯ
Владимир КОТИК
(с. 29)

ПОЭЗИЯ
Василий ПОНОМАРЕНКО
(с. 30)

ПОЭЗИЯ
Кирилл КОВАЛЬДЖИ
(с. 33)

ПОЭЗИЯ
Валерий КУЛЕШОВ
(с. 35)

Коротко о главном

«Жаловаться на судьбу – Бога гневить, а это – последнее дело, не так ли? – не то спросил меня, не то поделился со мной собственными мыслями пару месяцев назад знакомый московский литератор. – Как же вы в провинциальной глубинке находите возможность выпускать неплохое литературное издание, почему не бросите заведомо неподъёмное дело – без спонсорского финансирования, без поддержки власть имущих можно ли выстоять в мире «кризисов» и прочей «экономической нестабильности?»»

Промолчал я в ответ. Не потому, что ответить было нечего, совсем по другой причине промолчал. О другом заговорил...

Сегодня вспомнилась беседа давняя. Сегодня – действительно – невоглоту. Железными клещами да «за горло» – отсутствие серьёзных денежных вливаний. Сотрудникам редакции с каждым месяцем всё сложнее находить финансы на издание «ЛитМ». Средств подписчиков (примерно треть от необходимой суммы) не хватает даже на тиражирование, а сколько, кроме того, расходов – корректура, канцелярия, покупка конвертов, отправка корреспонденции и так далее! Спасибо – ни один из членов редколлегии не требует заработной платы.

Многие читатели заметили, что качество полиграфии «Литмеридиана» снизилось на несколько порядков. Мы вынуждены были перейти на самую дешёвую печать – на ризограф. С одной элементарной целью: хоть как-то сэкономить средства. Признаться, помогло слабо: даже такое тиражирование – «удовольствие» не из дешёвых, а почтовые расходы уменьшить вообще нет никакой возможности. Не в «треугольнике» же посылать подписчикам очередной номер!

Можно «закрыть лавочку», можно впасть в уныние, но кому станет проще жить, если в очередном номере читатель увидит на последней странице слово «прощайте»?

Ситуация действительно очень серьёзная.

Мы ищем выход. И просим наших авторов не оставаться в стороне: денег просить не имею права, но за дельный совет буду признателен. Равно как и за привлечённых к подписке новых читателей.

Следующий номер (октябрь-ноябрь), вероятнее всего, выйдет в ноябре – сдвоенным.

Стихи по-прежнему опасны...

Геннадий БОГДАНОВ

Итак, на дворе август... Самое время для отдыха на море или путешествия по необъятным просторам нашего края. Вообще август лучшее время для отпуска. К сожалению, мой отпуск уже закончился, и пролетел он в этом году, как никогда, быстро. Впрочем, грех жаловаться на судьбу, ибо была традиционная поездка к морю, а на обратном пути я заехал в город Арсеньев, где наш главный редактор **Владимир Костылев** вручил мне свежий номер «Литературного меридиана».

Александр Егоров открывает поэтическую рубрику подборкой стихов под названием «Из сфер неведомых...» Автор традиционен и авангарден одновременно. Строки стихов свежи и метафоричны. Впечатляет стихотворение «Рождение соплеменника». Понравилось стихотворение «Колебание», особенно его дерзкая концовка:

*Не станем снова тешить беса,
Наперебой его хвалить.
Раз мы не рабского замеса,
Тогда и нечего скулить.*

Пейзажные стихи А. Егорова выпуклы и почти осязаемы. Из этого ряда особенно хочется выделить стихотворение «Транссибирский тоннель».

Вера Гундарева растрогала стихотворением «Мне говорила в детстве мама». Высшую оценку ставлю конкурсному стихотворению «Альбом достану». Хороши и остальные стихи в подборке. Искренность, простота, глубокое понимание жизни, человечность – вот отличительная черта творчества поэтессы.

Роман Письменный дебютирует подборкой стихов «Зачем нам такие сны...» Простим дебютанту некую «заумь» – каждый выражает свои мысли по-своему. Возможно, автор хотел выглядеть оригинальным и неординарным в своих философских стихах. В какой-то мере Роману Письменному это удалось. Чтобы понять, к примеру, стихотворения «Метароманс» и «3.14...», надо быть не только лириком и физиком одновременно, но и врачом-кардиологом.

Почти вся подборка стихов **Ивана Шепеты** посвящена памяти поэта Александра Романенко. Прежде всего, это триптих, но и остальные стихи звучат в

унисон с посвящением. Крепко запали в душу строки:

*стихи по-прежнему опасны,
когда они не про любовь.*

Всем сердцем принимаю очередной мастер-класс Ивана Шепеты.

Виктор Дебелов – наш постоянный автор. Стихи его написаны ровно и традиционно. Темы самые земные и насущные. Вроде бы всё верно, и понятны переживания автора за родную землю, за сельский уклад жизни («Дорогая земля!»), но стихам не хватает яркой образности, метафоричности.

На мой взгляд, слово «смертельный» не вяжется со словом «душ» («под смертельный шёл душ...»). Стихотворение «Ночь полевая» – пожалуй, лучшее из подборки.

Не знаю, сколько лет **Елене Лапаевой** (впрочем, душа-то не стареет!), но юношеский максимализм в каждом стихотворении бьёт ключом. Несомненно, это – любовная лирика, рассказанная с поспешностью городского ритма, подчас только обрывками фраз и полунамёками. И опять я удивляюсь и вспоминаю стихи своего соратника по перу **Александра Дудкина** – те же авангардные приёмы, та же манера письма. Что ж, стихи Елены Лапаевой впечатляют. Они откровенны и эмоциональны. Определю их стиль одним словом – экспрессия.

С интересом прочитал все стихи из подборки **Веры Караман** «Истина сложна». Лирика автора воспринимается легко. Вдохновенно и потому ярко написаны стихотворения «Январь. Тоска. Конец недели» и «Любимый мой цвет белый...».

Сергей Пагын пишет великолепные стихи, но на этот раз вся подборка под названием «Листа свернувшегося бег» пронизана какой-то странной осенней печалью, которая никак не сочетается с весёлой улыбкой автора на фото в правом верхнем углу страницы. Что ж, кончается лето, впереди осень и вполне можно предаться грусти, но хочется, чтобы эта грусть была светлой, как погожий сентябрьский денёк.

До новых творческих встреч на страницах нашей газеты!

В краю высокого неба

Владимир ТЫЦКИХ

Фото автора.

Василию Шукшину – 80 лет

Едем!

Много лет мечтал об этом. Так много, что уже казалось – безнадежно...

Жизнь – череда непрерывных ожиданий. Этому сбыться не суждено, то рано или поздно свершается, но человек вдруг спрашивает себя: а чего маялся-то, о чём страдал, к чему так стремился?! Исполненные желания всё больше не совпадают с тем, что представлялось воображению. И – часто – разочаровывают...

Он называется по-новому, современно – директор. Директор журнала «Сибирские огни». Мне привычней – главный редактор. Так я его и зову про себя (с возрастом менять привычки труднее, да и, видно, уже: зачастую бывает бесполезно, а то и вредно). Так вот, главный редактор «Сибирских огней» Владимир Алексеевич Берязев стронул душу, и – она полетела! Я ему о том, что еду, мол, в отпуск, планирую на день-другой заскочить в Новосибирск и, значит, хорошо бы свидеться, познакомиться очно, а он мне в трубку – коротко и конкретно, как военный приказ: в Сростки поедem, на Шукшинские чтения!

Эх, Владимир Алексеевич, дорогой мой, знал бы ты, как давно и сильно не просто думал – бредил об этом из года в год! Правду сказать, всё меньше и меньше надеюсь и уже, признаться, смирившись с мыслью, что не выпадет, ох не выпадет мне вождельной дороги на Катунь...

Отпуск ныне, ясное дело, не как в старые времена. С Дальнего Востока вырвешься раз в несколько лет куда-нибудь к Уралу, тем паче за Урал – планируешь плотно: побывать там-то, увидеться с тем-то, сделать то-то...

Большой «Боинг» летит в Москву, маленький – спустя несколько дней – в Омск. Через Павловасильевское Павлодарье и семипалатинскую степь ужасной автострадой (как бы её назвать по справедливости?) скрипит непрерывно ломающийся автобус – удивительно, но почти

за сутки доскрипел до Усть-Каменогорска. Потом оба с детства знакомых водохранилища: Усть-Каменогорское и Бухтарминское, сам Усть-Каменогорск и родимый Лениногорск-Риддер. Везде происходит что-то важное судьбе, дорожное сердцу; везде радость встреч и сладость воспоминаний, но сквозь радость и сладость всё явственней проступает горечь от сознания, что, очень возможно, так-то вот – последний разок: никогда уж не повторить этого пути, даже и мечтать глупо... Однако ничто не может затмить нарастающего нетерпения, ничто не способно отодвинуть хрупкого (а вдруг не сложится?!) ожидания того, к чему не подходит никакое другое слово, кроме слова «счастье».

«В Сростки поедem, на Шукшинские чтения!»...

В Барнауле что-то сломалось в сюжете. Брат родной, норильчанин мой славный (сколько же мы не виделись?

Вид с горы Пикет на долину реки Катунь

на родине-то Алексей не был ровнёхонько десять лет), вдруг передумал и без задержки рванул в Новосибирск. Брат троюродный Александр, наша надежда и опора в алтайской столице, рядом с которым у меня никогда не было никаких проблем, нештатно задержался в горах, где-то аж в Усть-Тулатинке, на самом Чарыше. Владимир Алексеевич Берязев – начал ему звонить как заведён-

ный – отвечал как-то не по существу: связь плохая, деньги на мобильнике кончаются, потом созвонимся, и всё такое прочее. Нетрудно догадаться: что-то у него не склеивалось. И у меня, стало быть. Сrostки, похоже, становились недоступными...

Юра – Юрий Яковлевич Козлов – не обнадёжил. Поздно, сказал Юрий Яковлевич. Управление культуры уже составило – окончательно! – списки. Берязева он, Юрий Яковлевич, в них не выдел. А сам и не собирался. С ногами проблемы, вообще, здоровье...

По всему – надо бы успокоиться. Козлов – в былое время руководитель краевой писательской организации, один из тех, кто в 70-е годы начинал Шукшинские чтения в Сrostках, ныне заместитель главного редактора журнала «Алтай»... Берязев – главный редактор «Сибирских огней», история и авторитет которых в писательском мире просто обязывали организаторов обеспечить его участие в праздновании 80-летия Василия Шукшина... А кроме них, мне не на кого и рассчитывать...

Брат Саня поднялся на горку над Чарышем – так просто мобильник из тех краёв не берёт. «Слушай, прости, я не приеду, то есть приеду, но позже... А в Сrostки повезёт Витя... Виктор Семёнович Шалаев – запиши телефон...». Саша обрадовал и одновременно напугал, назвав Шалаева «генеральным директором» (сам братан – заместитель генерального – то есть, выходит, этого незнакомого Шалаева). Потом открылось: страх был напрасен, Виктор – мужик что надо, из тех, о которых говорят: «Наш человек».

– Юр, слушай, ну я к подъезду подъеду, на «Волге», новая «Волга», совсем новая! Нас двое плюс водитель, покатаем, как секретари обкома! – это я уже Козлову по городскому телефону. Он в ответ покряхтывает, дышит учащённо – от волнения и сомнения. – Набери там таблеток всех, каких надо, тонометр возьми – я тебе давление через каждые полчаса буду мерить. Есть у тебя тонометр? Вот и ладно, пакуй! Я, слышь, от подъезда тебя заберу и к подъезду потом доставлю... Поехали, а?

Долго мы так беседовали, прежде чем Юрий Яковлевич подвёл желанный итог:

– Слушай, а это интересно! Всё, едем к Шукшину!
И назвал время, адрес и шифр домофона.

Всероссийский Макарыч

Давние знакомые, с которыми пусть не довелось бы поговорить, но хоть постоять рядом и то – редкий подарок судьбы: Станислав Куняев, Владимир Крупин, Юрий Поляков... Это – из Москвы. А из Екатеринбурга ожидается Саша Кердан – настоящий полковник, поэт и прозаик, товарищ по семинарам армейских-флотских литераторов в Советском Союзе в навсегда любимой «Исlochи» – Доме творчества писателей Белоруссии (хоть глазком глянуть бы теперь!)...

Кто-то уже прилетел-приехал в Алтайский край. Кого-

Здание бани и летней кухни,
построенное руками Василия Макаровича

то ждут сегодня-завтра. Местное и московское телевидение наперегонки показывает свежие сюжеты. Слов нет, на Шукшина имеют право и актёры с режиссёрами, но я не могу избавиться от ревнивого чувства: писателей среди гостей должно быть больше. Чего не скажешь о кремлёвских гусарах – завидные парни, концертно карабинами жонглируют, и форма у каждого за две с половиной тысячи долларов, но какое все-таки отношение они имеют к Шукшину? Логичней бы привезти моряков с Чёрноморского флота, на котором служил Василий Макарович... Любят у нас разные начальники и подчинённые выделяться пооригинальней, удивить чем-нибудь таким, что было бы не как у людей...

Прости нас, Василий Макарович! Ну, правда, не получается пригласить на твой праздник всех желающих и достойных... Но почему – не редактор «Сибогней», а солдаты Президентского полка? Для их замечательных выступлений всё же нужен какой-то адекватный повод... Однако кто-то это придумал, кто-то оплатил и, наверное, гордится собой.

Шукшинская, между прочим, тема...

Вдоль дороги – мы уже приближаемся к Бийску, к началу знаменитого Чуйского тракта – множество щитов, большущих баннеров. Портреты юбиляра и тексты. «Год В.М. Шукшина в Алтайском крае, 1929-2009, 80 лет со дня рождения». «Кинофестиваль «Нравственность есть правда»... Картины, слова – разные, но всё впечатляет, заставляет проникнуться и важностью события, и масштабом личности писателя-режиссёра-актёра, который в очередной раз прославил Алтай и сделал всенародно знаменитым когда-то безвестное село на берегу Катуня, куда катит сейчас наша «Волга»...

– Ты смотри, узнала!.. Я же шесть лет не был в Сrostках, шесть лет! – не устаёт удивляться-восхищаться Юрий Яковлевич встрече с директором Всероссийского мемориального музея-заповедника В.М. Шукшина, заслуженным работником культуры России Лидией Александровной Чудновой.

Она окликнула Юрия Яковлевича с порога бывшей

Дом-музей матери В. Шукшина. с. Сростки

со Сростками, с Шукшиным, со всем, что теперь принято называть Шукшинскими чтениями или Шукшинским фестивалем.

Вот этой компанией мы прошли-проехали по селу, даже и туда, куда не очень положено, а то и совсем нельзя, и наши новые друзья показали и рассказали нам столько, сколько едва ли увидят и услышат завтра все вместе взятые официальные лица.

У этой «экскурсии» много потрясающих воображение и на редкость «вкусных» деталей. Удастся ли когда-нибудь во всех заслуживающих внимания подробностях рассказать о том, что открылось нам на родине великого русского человека? Но лично я вынес из Сросток убеждение, в котором уже никто меня не поколеблет: пока будет жива память о Василии Макаровиче Шукшине, будет и русский народ, и сама Россия.

школы – той, где учился Василий Макарыч, ставшей теперь частью солидного музейного ансамбля в Сростках (сфотографируем: классная комната, парты, за которой сидел Шукшин), обняла и поцеловала совсем по-родственному; пригласила всех троих в директорский кабинет.

На улице, на тротуаре, ещё лежали листы жести, из которых что-то вырезали-выгибали мастера; в здании довольно ощутимо пахло краской, что-то куда-то перетаскивалось, прикладывалось, вешалось, крепилось... Официальных гостей («согласно списку») ждали в Сростках завтра, 25 июля – в самый день рождения великого земляка.

Мы сразу оценили преимущества своего положения. Не нужно ходить-сидеть-смотреть вместе со всеми, в большой толпе следуя всеохватной Программе Всероссийского фестиваля «Шукшинские дни на Алтае» (красочный плакат метр на полметра – «Министерство культуры Российской Федерации, Администрация Алтайского края, Управление Алтайского края по культуре» – только в Сростках десяток крупных мероприятий от открытия фотовыставки до показа фильма-призёра XI Шукшинского кинофестиваля).

Как-то просто, без малейшего напряжения, удивительно естественно – никто не просил, никто не давал указаний – приняла над нами шефство старший научный сотрудник музея Галина Андреевна Ульянова. Только спросила: «Мы можем взять в машину ещё одного человека?» Этим человеком оказался актёр, судя по тому, как на него реагировали гости и жители Сросток, личность на Алтае легендарная – Михаил Степанович Переверзев. И ещё – не успел уточнить или не додумался – показалось мне: Михаил Степанович давно и тесно связан

«Берегите душу Шукшина!»

Всероссийским мемориальным музеем-заповедником В.М. Шукшина с недавних пор выпускается газета «Шукшинские Сростки». Июльский за текущий год, подгаданный к юбилею номер (один из – всего-то! – трёхсот экземпляров), подаренный работниками музея, приехал со мной во Владивосток. Очень хочется переписать-перепечатать газету полностью – до того в ней много звучного. И всё – главное. Но вот, пожалуй, самое-самое: «Наши дети открывают для себя Шукшина – личность, которая по праву может являться нравственным ориентиром для подростка. Их реплики в музейных экспози-

Комната в доме Марии Сергеевны

циях порой ошеломляют – так прочно забито детское сознание образами и идеалами массовой культуры, и как благодатны всходы живительных росточков в образах героев, созданных ребятами в сочинениях, рисунках и иных творческих проектах».

Вот-вот... Тепло, горячо и даже жарко...

В тяжёлый час Василий Шукшин прижался к другому Василию – Василию Ивановичу Белову. Два русских ума, два русских сердца, чему они могли радоваться, о чём должны были горевать на беловской Вологодчине, откуда, как и с шукшинского Алтая, почему-то во все времена полней, правдивей, чем от священных стен Кремля, видны и народные радости, и народное горе, и сама народная русская судьба? Об этой самой судьбе – в первую очередь.

– У Василия Макаровича при жизни был один друг – Василий Иванович, – уверенно говорит Галина Андреевна.

Мы идём-едем по селу и на каждом повороте убеждаемся, что при Шукшине оно было другим. Без этой церкви (очень красивая, необычная – нигде таких не видели). Без этих клумб на месте бывшего материнского огорода, без стрел-указателей, многочисленных плакатов и вывесок, без асфальта, без этой дороги меж белых, свежерашенных бордюров – на знаменитую гору Пикет, к известному клыковскому памятнику – как бы сидящему на прибрежном камне босому Шукшину...

– Он селу помогает. При жизни не мог, а теперь помогает, – просвещает нас Галина Ульянова. – На Алтае немало таких сёл перестало существовать. А Сростки стоят, и население у нас стабильное.

Дай Бог, дай Бог!

Далеко-о-о видно с горы Пикет. В одну сторону – село в долине Катуня, вот уж, действительно, – как на ладони. На него глядит Василий Макарович – лоб наморщен, брови сведены вопросительно: как вы там, земляки, как живёшь-можешь, земля родная, что ждёт тебя, Россия?

За спиной Шукшина, если чуть пройти-проехать по плоско-покатой вершине Пикета, – огромный обрыв. Крутой, глубокий не в одну сотню метров и – неожиданный. Идешь – под ноги не смотришь. Взгляд приковывает, привораживает потрясающая панорама привольного межгорья с вьющейся в зелёной кипени лета, то сужающейся, но разливающейся широким плёсом лентой Катуня. Подходишь к краю и кажется – ничего не стоит полететь птицей. Высота, даль и красота. Невозможно, невиданно, необыкновенно... Нет превосходных слов, которые были бы здесь не в пору.

Галина Яковлевна рассказывает: как-то гости из Белоруссии подивились высоте алтайского неба. Говорят, у них небо низкое, а здесь высокое, они и не думали, что такое бывает.

Смотрим: да, правы белорусские друзья – вот и сейчас, несмотря на густые облака от горизонта до горизонта, небо над Пикетом, над Сростками такое высокое, каким, кажется, мы его не видели никогда.

Стоит однажды подняться на Пикет, посмотреть во все стороны и уже не возникнет вопроса, почему именно здесь родина Шукшина.

Но мы, видимо, ещё не оценили его по-настоящему. Это очень по-нашему, по-русски – глупая какая-то скром-

Храм Святой Екатерины. с. Сростки

ность в нас есть. Или – ещё более глупая расточительность.

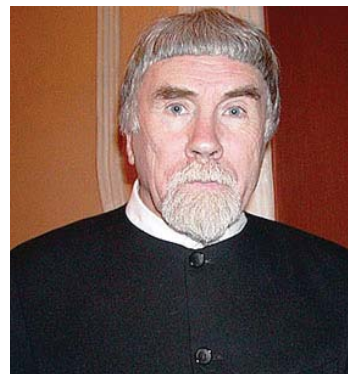
Между тем замминистра культуры Болгарии Иван Токджиев в Книге почётных посетителей Сросткинского музея пишет о том, что мы сами должны знать наизусть, – о «священном для русской и болгарской культуры храме-музее В.М. Шукшина, где можно ощутить необъятное великое начало Русской души». Не могу не привести ещё одну цитату – эти слова на школьной доске в мемориальном классе Шукшина написала мелом депутат Народного собрания Республики Болгария Сильвия Алексиева: «Берегите душу Шукшина!»

Нам обязательно надо, чтобы кто-то со стороны под-сказал, что мы должны любить в своём Отечестве...

Алтай, вообще, – земля талантов. Земля русских талантов. Опять же, по скромности своей или по расточительности, мы почти ничего не делаем, чтобы творческий, духовный потенциал Алтая был открыт всей России и служил ей в полную силу. Впрочем, литературный Алтай надо ещё собрать – даже в сознании многих и вполне просвещённых сограждан он предстаёт преимущественно той частью, которая находится на территории Российской Федерации. А за вдруг возникшей государственной границей остались и невольно сделались иностранцами Георгий Гребенщиков и Павел Васильев, Анатолий Иванов и Евгений Курдаков – назовём только эти имена, а за ними ведь немало других, пусть не таких великих, но вовсе не лишним для русской литературы...

Из книги «НАШЕ НЕБЕСНОЕ ОТЕЧЕСТВО»*

Валентин КУРБАТОВ,
г. Псков

В сентябре исполняется 70 лет выдающемуся русскому литературоведу, литературному критику, православному мыслителю (и прочая, и прочая) В.Я. Курбатову. «Литературный меридиан» от души поздравляет Валентина Яковлевича с юбилеем и представляет читателю отрывок из его книги «Наше небесное Отечество», а также одно из писем Ю.Н. Кабанкова, адресованных В.Я. Курбатову.

Здравия! Долгая лета Вам, дорогой Валентин Яковлевич!

Господи, благослови!

Сегодня высокие облака стоят над лесом и озером. Лес греется под еще не разошедшимся солнцем, бездвижно нежится, и только осина посверкивает, будто пересыпает блеск под несуществующим, одной ей слышимым ветром. Шмель возится в цветах, ворчливо перебирая их и оставляя их один за другим с нескрываемой досадой. Кукушка лениво и равнодушно пересчитывает чьи-то недолгие годы, словно откладывает их на счетах: одному столько, другому столько. Коршун лениво вычерчивает круг за кругом, как долгую мелодию дня. Озеро светится покоем и далью, подставляя себя любящим взглядам деревень, которые высыпают на пригорки, как ребятишки, и замороженно молчат, остановленные простором и сиянием высокого июньского полдня. Душа и глаз просят церкви на одном из холмов – белой свечи, которая тотчас собрала бы день и даль, а чаша озера при первом звоне ответила бы чаше неба.

Но далеко разошлись друг от друга русские деревни, все меньше изб выбегают посмотреть на свое отражение, и красота отзывается болью, как если бы весь этот ненаглядный день в облаках, птицах и водах о чем-то моллил твое сердце, заранее зная, что не удержит тебя.

Мы сбегает в города, в мертвую тесноту спальных районов, в соревновательное щегольство столиц, где прекрасные храмы собирают прекрасные хоры, где блестящие мастера пишут блестящие иконы, где просвещенные батюшки говорят просвещенные проповеди. Мы крестим своих детей в домашних тазах, софринских купелях, мраморных бассейнах, озерах и реках.

Мы складываем умные общины, издаем прекрасные религиозные журналы, созываем «горячие» соборы и даже создаем религиозные партии. Но все отчетливее понимаем, что «в рабском виде Царь Небесный исходил благословляя» не эту землю. Не наши мегаполисы и растратившие свет и радость реденеющие деревни. Даже не наши состоятельные монастыри, заходя в них только в

пору становления, в годы начальной нищеты и разрухи, пока братия держится молитвой и духом. Мы еще слышим эхо той речи и того молчания и иногда узнаем их в высоких июньских днях посреди опустевших деревень и заброшенных кладбищ, но уже узнаем с вполне книжным удовлетворением, как лестную цитату. И кажется, нам больше всего не нравится в той тютчевской цитате именно это – «в рабском виде».

Нам не прошли даром революционные гордые прописи «рабы не мы, мы не рабы» или, как толковал какой-то умный человек: «Мы не рабы, рабы нЕмы», а мы, мол, вон как разговорчивы и как умело пользуемся свободным словом.

В истории вообще ничего даром не проходит, несмотря на печальное утверждение Гаврилы Романовича Державина, что «река времени в своем стремленьи уносит все дела людей...»

Нет, воды этой реки только подставляют грядущему зеркало, чтобы будущее училось отражаться в них без постыдного повторения, а узнавая родное как юность в старости.

В «реке времен» не будет слышаться отчаяния, только если мы однажды догадаемся, что «вечность» не бездонная яма, пожирающая несчетные поколения, а Божий день, полный света. И каждое новое поколение – есть малая черта общего Лица, общего Господня образа, который не дан нам Богом в завершении, а создается в сорадовании и сотворчестве с Ним всеми нами, пока не будет проповедано Евангелие во все концы Земли и мы не сойдемся с Богом как с Первообразом в полноте черт и не сбудемся и сами не станем Вечностью. Мы идем в истории не вперед, а как круги по воде – во все стороны, пока не займем границы мира. Или, вернее, как кольца на дереве – где уже, где шире – в зависимости от плодотворности веков, каковая уж зависит от нашей свободной воли. Историческая усталость иногда провоцирует нас повторить какую-то часть пути, которая была плодотворной, но Господь не зря зовется Творцом не в прошедшем времени. Он – Творец всякий час, в вечном настоящем,

и ждет от нас того же, не принимая, хотя бы и лестного, повторного шага и механического, хотя бы и внешне уверенного, шага, каким мы идем сегодня в церковном строительстве, страшись посмотреть на глубину результата, на творческую полноту духовного развития.

Я думаю об этом в благословенный день конца июня в северо-западном углу России перед просторной чашей озера, которое нежит в себе синеву небес со всеми облаками, и перебираю, перебираю в памяти счастливые поездки к истокам родной веры, в страну, которую мы менее всего отождествляем с этой верой и на которую не ссылаемся даже в самой историко-объективной религиозной литературе. Она ворвалась в мое сердце случайно. Как случайно в человеческой жизни все – от часа рождения до часа смерти. Закономерна только сама жизнь, а не события в ней. Византии просто пришла пора, а уж какие там столпились обстоятельства и как они строились – это забота жизни.

Наверное, дело в том, что что-то стало слабнуть в моем православном стоянии. Появилась не то что усталость, а привычка: приходит суббота – надо ко всенощной, приходит воскресенье – к Литургии. Отстоял, даже почитал по послушанию, а душа молчит.

И в исповеди быт переберешь, а про главное и не знаешь, как сказать – про эту опасную привычку.

Про то, что при причастии сердце не горит. Про то, что у тебя уж будто и не вера, а одно умозрение, которое ты при случае легко изложишь и даже сомневающегося брата ободрить, а только прежнего тревожного чувства, в котором мешались полет и сомнение, сухой жар и слезы, готовность и ясность, уже в себе не почувствуешь. Надо возгревать себя чтением, множить книги. На минуту окрепнешь, вспыхнешь от точного примера, от глубокой чужой мысли, сильного образа – и опять под защиту привычки.

А это уж не служба, а обман. Это ты уже не перед Богом стоишь, а перед общиной и бабушкой и перед простой дисциплиной. Наверное, временами оно можно и даже нужно так, потому что Церковь – это вы вместе, и если в тебе сердце молчит, то в этот час оно говорит в другом, и он братски покрывает тебя своим небом, как в другой час ты покрываешь его молчание своим. Но когда ты перестаешь слышать покров братской молитвы, когда нота твоего сердца затягивается, когда книги смолкают, надо брать дорожный посох и выходить в путь. Надо оставлять стены быта и повседневных обязанностей, которые имеют обыкновение заслонять звезды, и оказываться в поле, чтобы под ногами была дорога, а над головой небо. Храм по-настоящему – это всегда путь, и каждый день он ведет кого-то светлой дорогой, которой уходил в небеса со своим Спутником булгаковский Мастер, или просто поднимает с колен изнемогшее сердце слабого и опускает на колени негнувшееся сердце гордого, и это краткое движение оказывается длиннее иных многолетних путей. Очевидно, это бывает в свой час у всех людей и на всех континентах, потому что, дописав эту фразу, я немедленно вспомнил Измаила из мелвилловского «Моби Дика»: «Если ты начинаешь ловить себя на безотчетном желании сбивать шляпы с прохожих, тебе пора подниматься на палубу корабля...»

Единое на потребу

Ну, вот и еще раз Бог привел нас в Византию. Хотя, признаться, на этот раз ехать было тревожно. И не очень хотелось. Мы уже немного пришли в себя после того, как узнали, что поставленного нами в Мирах Ликийских в 2000-м году Святителя Николая сняли с постаментов на городской площади и перенесли к стене храма, уже отошли от первого потрясения. И хоть сердце болело, но ведь мы и с самого начала знали, что гладкого пути нам никто не приготовил. Надо было жить дальше, продолжать освоение «нашей» Византии. Мир не останавливался. Христианство, слава Богу, не уходило в безопасные пределы «мировой культуры», как настойчиво его туда ни теснят.

По газетным фотографиям мы видели, что изгнанный с площади Святитель всё ещё благословлял входящих в храм и не оставлял своей безмолвной проповеди. И, значит, надо было, поперек нежеланию, ехать побыть с ним, пройти его дорогами, ободрить его и себя, убедиться, что земля его родины не уступила его труда окончательному забвению и следы его служения не поглощены временем без возврата. Это было нужно не ему, а нам самим.

Мир делает свою работу, исподволь опустошает слова, которыми вовеки стояла душа. Да и саму душу потихоньку ссылает в пустой лирический словарь, в резервацию музейного благочестия. Мы перестали бояться Божьего гнева и даже, стращая друг друга концом мира, про себя уверены, что это не более, чем поэтический образ, что мы-то, во всяком случае, еще поживем. И поживем без усилия, которого требует Христос и которого требовал идущий Его дорогой Святитель. Мы и церковь готовы седлать местом потребления, духовной «поликлиникой», записываясь в зависимости от потребности к разным «врачам» и определив каждого по своим «кабинетам» – от слепоты, от глухоты, от сглаза... Забыв «единое на потребу» для нечаянного детского многобожия.

Это усталость неизбежная и естественная, но потакать ей грех. И, значит, надо опять «подниматься на корабль» и править к отцам, к молодой поре горячего становящегося христианства, к неумолимо идущему впереди, родному и «русским русскому» правилу нашей веры – Святителю Николаю.

Под шум дождя

А все-таки сразу-то в Миры мужества поехать не хватило. Из наших низин сразу наверх подниматься опасно. И мы провели день в Анталии. Благо, и денек оказался не февральский (а мы приехали в начале февраля), а русско-осенний, с мелким дождиком с утра, с сереньким родным светом, который не разбивали даже лампочки апельсинов и лимонов в садах и на улицах. И после стылой Москвы в грязных снегах и автомобильных пробках так хорошо было видеть притихшее море между домами, слушать, как в мохнатых пиниях возятся русские воробы, провожать взглядом горлиц, которые летят ровно настолько быстрее голубей, насколько слово «горлица» стремительнее слова «голубь».

А там разошелся и настоящий ливень с веерами вод

из-под колес, заплаканными светофорами и странным чувством грустного счастья, которое охватывает в такие дни в южных городах. Ливень чуть приглушает краски роскошного, яркого, словно из кубиков собранного города и на минуту вспоминается пименовская «Москва майская» – молодая и детская. В такую погоду хорошо ходить по музейным залам. Дожди быстрее собирают мысль. Да и нам, чтобы войти во времена Святителя, надо отступить на семнадцать столетий назад, когда мраморное человечество Афродит и Аполлонов едва не превосходило реальное.

А музей здесь прекрасен! Артемиды и Лето, Венеры и Тихе смотрят невидяще в свою слепую, навсегда ушедшую вечность, и нежные их лица «не искажены» ни одной мыслью. Зачем и о чем думать, когда они так прекрасны, и история с ее страданиями и переделками мира писана не для них. Разве что Немезида «взглянет» остро и умно, отменив время, так на то она и судьба и справедливость, чтобы быть посредницей между Олимпом и земной историей. Зато лица Траянов, Адрианов, Диоклетианов и Коммодов жестко исчерчены заботами империи и политики и, кажется, при всей внешней уверенной силе предчувствуют, как непроста будет их посмертная жизнь, в которой их слава потемнеет и станет страшна, и их статуи могут разбить, как статуи звавшего себя «сыном бога» Домициана, в царствование которого не зря явился «Апокалипсис», а пышные саркофаги бросить в море, как сделали это с саркофагом мучителя Диоклетиана. И вот они каменеют с надменными лицами, вечные римляне, убежденные, по слову Э.Ренана, что «кто не богат и не хорошего происхождения, тот не может быть честным человеком», но уже не могут скрыть от себя, что их репутация гуманистов и философов будет, как у того же Траяна, навсегда замарана кровью разорванного при нем на арене римского цирка Игнатия Богоносца или развеяна дымом костра, на котором сожгут Поликарпа Смирнского, как у Марка Аврелия. Так что и красота мраморов скоро покажется зла и враждебна. Создатели экспозиций не думают об этом, но христианское сердце в эффектных рядах императоров, богов и героев читает свои тексты. Глядя на изорванного в куски и насилию составленного Марса, поневоле не без тайной иронии думаешь, что он попался «на растяжке» собственной войны, и, поди,

завидует легконогому Гермесу с пустым лицом торжествующего покровителя потребителей. Этот целехонек и уверен в долгой власти над ненасытным миром.

И опять, как в давнюю уже поездку, когда мы смотрели музеи Антиохии, останавливают монеты с теми же высокомерными Веспасианами и Галериями – динарии кесаря, которые Господь велел отдавать кесарю, оставляя Богово – Богу. И почему-то вспоминается давний любимовский «Гамлет» – как Высоцкий показывал королеве-матери свой медальон с изображением короля-отца, а затем выхватывал из кармана монету с изображением короля-отчима: «Вот два изображенья – вот и вот. На этих двух портретах лица братьев...» Одно, на груди, – навсегда личное, единственное. И другое, на монете, – безлично множественное, ничье, захваченное руками торговцев. И опять ранит, что скоро империя заговорит о симфонии церкви и государства и научится чеканить монеты с изображением Спасителя и тем смешает Богово и кесарево, то ли из лукавого желанья уравниаться, то ли по благочестивому неразумию, не ведающему, что когда кесарю отдают Богово, то готовят только падение Константинополя.

А напоследок в музейном уголке – бедные мощи Святителя, оставшиеся от Барийских и Венецианских «спасателей». Только на месте прежнего образа русского провинциального письма над ними – целый алтарь икон разных лет и школ, как нарядный, но мало вразумительный привет русскому туристу – так в отелях выставляют на специальной полке забытые гостями книги – нечаянный портрет отдыхающего ума.

И когда выходишь из музея, отчего-то уже и дождь не мил и «грустного счастья» ни следа. И вдруг поймал себя на том, что уткнулся взглядом в налившееся у входа озерцо воды с отражением одноногого Августа, смотришь, как по-русски пятнает его дождь и чувствуешь плечом, что рядом смотрят на эту рябь генералы Чарнота и Хлудов из булгаковского «Бега». И мокрая собака поднимает на тебя печальный взгляд товарища по изгнанию. И пальмы покажутся сделанными из жести, и горы вокруг не объятием, а угрюмой тюремной стражей. И все это будет как-то таинственно связано с пустоглазым отрядом императоров, которые, ты уже чувствуешь, потянутся за тобой...

Юрий Кабанков – Валентину Курбатову

5 августа 2007 г.

Бесконечно дорогой мне Валентин Яковлевич! Я буквально «между делом» (по-другому не получается; и – с конца к началу, по годам, как, вероятно, и должно воспринимать этот «кинематограф памяти») дочитываю Ваши «Уходящие острова»* – медленно, вдумчиво, глубоко со-чувствуя с Вами и так же глубоко огорчаясь «абберрации» восприятия окружающей среды» Александром Михайловичем [Борщаговским. – Ред.], когда речь заходит о религии, вере, Христе и христианстве. Я даже сделал некоторые выписки, иллюстрирующие один из

моих предметов преподавания «Диалог религиозного и нерелигиозного мировоззрений», где на все четыре вопроса «на засыпку» моих студентов (возможность, необходимость, целесообразность и полезность этого диалога) Вы с А.М. успешно ответили «да». При всём том горечь от «абберрации» остаётся, поскольку это «типичный случай», восходящий (или нисходящий?) не только к «богословию» М.Булгакова или Л.Толстого, но и к первой и главной ереси в христианстве (если не в мире), являющей собою отрицание божественности Христа.

Здесь – навскидку – и Несторий, и Арий, и ересь назореев едва ли не первого века, и собственно иудаизм с его отвержением Христа как мессии, и – ежили и дальше вглубь идти – «Сказал безумец в сердце своём...» Так что – тот же самый ветер «кружится на ходу своём, и возвращается ветер на круги свои...»

Эта интеллектуальная аберрация являет себя, по всей видимости (и прежде всего), в том, что объектом «рассуждения» (прежде всего, конечно, – у А.М.) берётся не Бог (живой, близко-далёкий, к Которому можно обратиться, обретя вторую половинку «со-вести», т.е. со-вместную весть, как прочитывал это Ю.И. Селивёрстов), а идея Бога, то есть моё рассудочное представление о Нём. Отсюда все эти «интеллигентские непонятки»: вечные поиски «своего» Христа (тут не только Л.Толстой или Николай Ге, но и нынешние по-собственной-глупости-несчастные южно-корейские миссионеры в Афганистане). Вполне понятно, что для А.М. «единственно близко христианство Л.Толстого», хотя слишком многие (и не только церковные) мыслители указывали, что в таком христианстве отсутствует Сам Христос (крайний случай такого постулирования – Огюст Конт: «христианство без Христа»). А.М. пишет: «Вчитался, наконец, и в те книги Л.Толстого, за которые никогда прежде не брался, – «Исповедь», «В чём моя вера?», «Исследование догматического богословия». Но ведь, «вчитавшись», легко увидеть, что «Исповедь» отнюдь не исповедь как таковая, приводящая к метанои – изменению сознания, перевороту мировоззрения, а стойкая оборона «моей» веры (вопрос – «во что?»). А для того, чтобы «исследовать» догматическое богословие, видимо, необходимо положительно решить для себя вопрос чуда (а это, как следствие, и вопрос веры), чего у Льва Николаевича мы и с огнём не сыщем. А.М. пишет: «Отец [...] воспитывал меня в тех нравственных (но ведь не духовных! – Ю.К.) правилах, которые вполне сливаются с нравственными советами и поучениями Христа, Евангелия». Сливаются – да, может быть, – в той горизонтали, где говорится «Возлюби ближнего...». Но этот постулат сам по себе «не срабатывает» без вертикали «Возлюби Господа...» Поэтому «любая из религий» отнюдь не «того же ждёт и требует от своей паствы» – иначе она перестанет быть религией и превратится в школярски-занидкое «нравственное учение», от скуки которого «зубы ломит» и хочется завить на луну. Простите, ещё процитирую: «...живи праведно, самоусовершенствуйся, стань лучше и выше (нравственно, душевно) /тут моя косая скобка с вопросом: а духовно? И еще толстовский, из «Исповеди», вопрос – зачем? для чего?/, и, если так же поступят сотни миллионов других людей («что вряд ли», как говорил язвительный Зоценко – Ю.К.), мир устроится как нельзя лучше» (мир, конечно же, «этот» – ещё один отголосок всемирной «вавилонской» ереси под названием Царство Божие на земле – «здесь и теперь»). Ну и заключительная цитата в этом вопросе: «Нравственное самоусовершенствование – позиция, которой не оспорить никому». Потому что – по логике А.М., если идти до конца, – «не о Боге, не о Христе веду я разговор». Ну а я вот (вослед многим и многим!) оспариваю, поскольку таковая позиция есть подмена (та же «аберрация») средства – целью, целого – частью, то есть, по сути, всё та же фрагментация сознания, преодо-

ление которой и является целью религии (христианства!)

Простите, Валентин Яковлевич, моё занудство, но ведь как раз от всего этого и непонятно человеку – почему (Ваши слова) «только русскому сердцу привидится». Не о «чистоте крови» ведь речь, а о духовном начале в земном облике православного христианства; это мы и называем русским. Наверно, я человек немного наивный, поскольку не могу уразуметь, как возможно, сознательно цитируя Гоголя (о Языкове: «...наши поэты видели всякий высокий предмет в его законченном соприкосновении с верховным источником мироздания – Богом»), не вспомнить и Тютчева («Не поймёт и не заметит гордый взор иноплеменный...») и не довериться этим его словам, тем более что «не плоть, а дух растлился в наши дни, и человек отчаянно тоскует...»

Ещё раз простите меня, я не с Александром Михайловичем «через годы и расстояния» пикируюсь, а с пресловутым «нерелигиозным сознанием». Тем более что Александр Михайлович столь замечательно ощущает, как, например, «...[Василию] Аксёнову в высшей степени безразличен сам народ, а особенно деревенский, он ещё мог когда-то увлечься экзотикой, какой-нибудь эксцентрической фигурой бородатого сторожа, но проникнуться драмой стомиллионной деревни не мог никогда». Потому-то и (замечательно сказано!) «валит, что язык сплит». А у меня сразу перед глазами встаёт Андрей Кончаловский, за которым после его изумительных «Аси Клячиной» и «Дяди Вани» я наблюдаю с непомерно возрастающим «инопланетным» изумлением: вот аберрация так аберрация!

Зато как замечательно Вы понимали ещё сто лет назад (в 1984 году!): «Если остальные наши богоискатели и умудрялись оставаться живы, то только оттого, что компромиссу местечко выкраивали, а уж если душа велика и полноты ищет, то она не согласит писательства с христианством, то есть гоголевского, горького, смешного, страждущего всеединства». Вот потому-то (понятно, никак не соотнося себя с Гоголем!) я уж лет десять не пишу стихов: слишком большая ответственность «дара» – чем возвращать? Ведь поэзия и впрямь блудная дочь молитвы. И Хайдеггер прав, что «философия померла». Правда, замечу, померла не философия, она будет бесконечно продолжаться как неистребимо экспериментальная пытливость апостола Фомы; «померла» в человеке потребность Бога, и «люди разучились думать, потому что это долгое и обременительное занятие» – всё только «здесь и теперь»: «однова живём!», «бери от жизни всё!» и т.п.

И как современен Ваш Диоген: «Старайся не утратить бедности, не дай отнять её у тебя. Ведь ясно, что фиванцы будут вновь приставать к тебе, считая несчастным». Как тут не помянуть наших братьев-американцев с их ребяческим «добром» христианства и демократии, забираемым по самую рукоятку – ни охнуть, ни вздохнуть!

«Удивительно прочно оказались закрыты эти господа от хотя бы догадок о нашем характере. Ещё никогда я не испытывал такого бессильного чувства, что говорю с глухими, хотя все они числятся ещё и докторами философии и вполне начитаны в наших Бердяевых, Лосских, Карсавиных и т.д. ...У нас такие ребята ведут атеистические кружки».

Таких ребят и у нас навалом; даже тот же Витечка Ерофеев, даже друг степей и шоу-бизнеса Бари Алибасов – да кто ни попадя! – с «лёгкостью мыслей необычайной» тужатся что-то о вере рассуждать (и непременно – в телевизоре!).

Тут же моё дикое недоумение: откуда у А.М. взялось представление, что «Америка набожная»?

Лет десять назад настоятель храма святой мученицы Татианы при МГУ протоиерей Максим (Козлов) изумлённо писал: «Недавно в американском сенате дебатировался закон о том, можно ли в государственной школе дать детям, принадлежащим к той или иной вере или конфессии, тридцать секунд (!) для молчаливой молитвы. И когда закон был принят, Конгресс США его опротестовал, потому что таким образом оскорблялась бы свобода совести атеистов». Хорош пельмень? (спросил слон, вывалявшись в муке).

Интересно-забавен ход рассуждения А.М. о том, «где больше Христа» – в Православии или католичестве. По всей видимости, А.М. хорошо помнил «речь» князя Мышкина (когда тот, размахивая руками, вазу разбил) о невозможности перехода православного (его благодетеля Павлицева) в католичество, где князь говорит о том, что «католичество – нехристианская религия». А.М. тут же привлекает в союзники Набокова, который «отважно и просто говорит о реакционной публицистике Достоевского». Но ведь Набоков – мягко сказать – не любил Достоевского, сердился, как Юпитер, раздражался его стилем, «композицией» – всем. А если про «реакционность» Федора Михайловича – то лучше было бы вспомнить Михайловского, а ещё лучше – Горького и Кирпотина. Религия (христианство) и, в частности, богословие всегда реакционны – т.е. реагируют, защищая Истину. А Достоевский и есть рыцарь апологетики и художественного богословия, которое во все времена было действием вынужденным, ответным, «реакционным». И вот здесь я не могу согласиться ни с Вами, ни с Андреем Битовым, что «не будь «Бесов» Достоевского, не было бы и революционных «бесов». Опять какая-то абберрация; Гоголь сокрушался, что «бесов наплодил», но это не переносится автоматически на Ф.М., который их высветил и «выкрестил».

Зато как замечательно-знаменательны Ваши

строки об иконописце Зиноне, о котором я что-то читал и много слышал. Почти физическое ощущение возможности очищения от одного «стояния» рядом с ним. (Те же бесовские происки: как иллюстрация этого ощущения приходят на ум строки совсем из другой, «альтернативной» оперы: «Я себя под Лениным чищу...» (понятно, Маяковский), «...и Ленин, как рентген, просвечивает нас» (понятно, Вознесенский), – тьфу, пропасть! – говорит она, – и тот дурак, кто слушает людских всех врак!)

Говорят, Дионисий Ареопagit ну никак не мог писать к апостолу Иоанну, поскольку в посланиях цитирует его же; а я вот не могу удержаться, чтобы «паки и паки» не процитировать Вас: «Судьба свела меня с иконописцем Зиномом. Я и в монастыре у него гостил, и теперь вот мы через день, а то и каждый день видимся – он пишет алтарь для Серафимовского придела нашей Троицы. Я исполняю обязанности хора в его службах. Служили обычно ещё его послушник Алёша и помощник в живописных и плотничьих работах, а теперь и вовсе вдвоём на весь храм служим. И это устанавливает в душе новую, полную, вселенскую какую-то тишину, на фоне которой завтрашнее метание в делах кажется особенно суетным и случайным...»

И ещё одна ваша иркутская цитата о всех нас, грешных, «наживляющих веру». Итак: в Саянске «храмы все новенькие, полы лакированные, того гляди поскользнешься. В непогоду заставляют надевать бахилы (постоянные прихожане тотчас приносившиеся оставлять в храме свои тапочки и тут же переобуваться). И молитва с иголки. И пение школьно трогательное, когда барышни пока (а поют как везде в большинстве барышни) норовят показать себя, голосок свой и умиление. Но образа писаны строго, резьба на иконостасах вполне "ропетовская", изощренная (так уж привыкли "молиться" русские мастера), кованые паникадила ненаглядны (тоже молитва железная). И как-то и гнев на полировку и музейность проходит. Всё им внове. Только наживляють веру».

Простите меня, ибо – по апостолу Павлу – «от великой скорби и стеснённого сердца я писал вам со многими слезами – не для того, чтобы огорчить вас, но чтобы вы познали любовь, какую я в избытке имею к вам».

Обнимаю Вас. Ваш преданный читатель и Божий раб Георгий.

Рисунок Геннадия БОГДАНОВА, г. Хабаровск

Покоряя вершины

Сергей ЧЁРНЫЙ,
г. Арсеньев

Фотографии Натальи Панькиной
и Сергея Чёрного.

*Я спросил её, зачем идёте в горы вы?
А ты к вершине шла, а ты рвалась в бой!
Ведь Эльбрус и с самолёта видно здорово.
Рассмеялась ты и взяла с собой!*

Начало истории, о которой мне хочется рассказать, уходит в далёкое детство, когда любопытства ради изучал я карту Приморья, куда и откуда текут реки, где какие города и селения, очертания берега океана... И что меня заинтересовало больше всего, так это высота рельефа. Стал искать самые высокие сопки и узнал, что самая высокая точка нашего края на горе Облачной. Какое-то время не вспоминал об этом, пока где-то случайно не увидел фотографию...

Уже смутно представляю, как она выглядела, но величественность пейзажа поразила, и появилась мысль, как было бы здорово побывать там, увидеть всё своими глазами. Так родилась мечта. Родилась и росла вместе со мной. Выросла и обрела форму неодолимого желания сделать её былью.

Принялся изучать местность по более подробным картам и искать единомышленников. Искал среди тех, кто ближе по духу, по мировоззрению. Став байкером, не раз предлагал участникам этого движения отправиться на гору. В теории всё было замечательно, на словах многие бурно поддерживали мою идею, но дальше разговоров дело не шло. У кого-то находились неотложные дела, кого-то смущала сложность мероприятия, денежные затруднения или элементарная лень. Словом, реальных спутников не находилось.

В конце мая этого года на фестивале байкеров, посвящённом открытию мотосезона в г. Арсеньеве, познакомился с группой ребят из сёл Анучино и Чернышевка, г. Арсеньева, среди которых был Иван Елаев с женой Юлией. Сидя у костра, разговаривали о разном, в том числе и о путешествиях. Сначала единодушно пришли к мысли, что сперва хорошо бы получше узнать родной край, в котором откроется немало интересных мест, и дружно признали целью номер один гору Облачную.

Договорились созвониться, обсудить детали, что вскоре и осуществили. Я познакомил их со своей женой Натальей Панькиной, которая изъявила желание присоединиться к нам. Вскоре идея стала превращаться в план, были изучены материалы по теме похода (помог Интернет), различные карты и схемы, и была назначена дата нашего путешествия.

4 июля, утром, на автомобиле «Нива», принадлежащем нашим друзьям, мы – автор этих строк, Панькина Наташа, Иван и Юлия Елаевы – выехали.

Лиха беда начало! Как это бывает, самый тщательно

подготовленный план может рухнуть или подвергнуться изменениям вследствие непредвиденных обстоятельств. Так случилось и с нами. Не доехав до конечной точки автомобильной части путешествия километров 25-30, уткнулись в шлагбаум с охранниками, которые объяснили нам, что территория горы объявлена с этого года Национальным парком «Зов тигра» и что въезд возможен исключительно по пропускам, которые выписывают в с. Чугуевка. А проникновение без пропуска в Национальный парк чревато встречей с инспекторами, которые составят на нас протокол. Мы были в некотором

недоумении: вот ведь совсем недавно на гору ходила группа работников с заводов «Прогресс» и «Аскольд», в газете печатали статью об этом. Там говорилось, что их встретили едва ли не с хлебом-солью и оркестром, и ни слова о каком-то пропуске... Прикинув, что поездка в Чугуевку обернётся для нас потерей драгоценного времени и бензина (всё же 80 км в один конец по лесным и грунтовым дорогам отнюдь не пустяк; тем более была суббота пополудни), мы засомневались, что найдем нужного чиновника и получим пропуск.

Однако неожиданное препятствие несколько не повлияло на нашу решимость осуществить задуманное. Стали думать, что делать. Впереди, за шлагбаумом, был относительно лёгкий и надёжный маршрут. И не один. В любом другом случае нас ждала неизвестность. Снова посидев над картами (а карты у нас были бывшие военные топографические, очень подробные, но по состоянию 1984 года), решили попробовать подобраться к горе вдоль ручья Березняки. Дороги там, судя по карте, не было, но, проезжая, видели поворот в нужную сторону – в шести километрах позади. Вернулись, нашли его и обнаружили вполне сносную дорогу, ведущую к бро-

шенным лесосекам. По ней нам удалось проехать более 9 км. Далее она пролегла по руслу высохшего ручья, изобиловавшего довольно крупными валунами. Решив не «убивать» авто, сделали привал, пообедали и сориентировались на местности.

Здесь необходимо упомянуть, что у Ивана имелся очень полезный прибор – навигатор GPS, который позволяет очень точно определить своё месторасположение, высоту над уровнем моря, установить направление к искомой точке, расстояние до неё по прямой, а также с учётом рельефа. Что бы мы делали без него – уму непостижимо! Представьте себе: вы в лесу, в густом лесу, за деревьями лишь чуть видны ближайшие сопки, а что там, за ними? Это нашу Обзорную видно отовсюду, а там... Куда идти, в какую сторону? Подсказать мог компас, которого у нас, кстати сказать, не было. Но направление движения, благодаря навигатору, как и расстояние, было установлено. Цифры нас обнадежили и воодушевили. Всего ничего получалось – пройти предстояло чуть более семи км, если считать по прямой, и подняться на высоту 1300–1400 м. Но в лесу, а тем более в горах, о прямых дорогах не приходится и мечтать, и цифры – вещь относительная. Мы ещё не догадывались, что кроется за ними.

Первые 1600 метров походили на увеселительную прогулку на лоне природы. Хорошая тропа по бывшей дороге, некрутой подъём, красивый пейзаж вокруг, чистейший воздух, насыщенные таёжные запахи, пение птиц. Нелёгкая ноша в рюкзаках не казалась обременительной. И начавшийся дождь никого не смутил, не вымочил насквозь, а лишь принёс свежесть. Всё же приятней намочнуть от прохладного дождя, чем от пота. И даже обильная мошка поначалу не казалась слишком назойливой.

...Вышли на бывший лесосклад. Поразила человеческая безответственность по отношению к природе. Было очевидно, что спилено и заготовлено гораздо больше, чем смогли вывезти. Теперь вся эта брошенная древесина сгнивала и захламляла местность. Не говоря уже о мусоре, автопокрышках, ржавом металле...

По краю поляны протекал ручей. Не надеясь вновь попасть к воде, пополнили запас питьевой воды. Мы стояли на распутье: одна дорога вела прямо и полого, другая сворачивала вправо и забирала круто вверх. Туда нам и надо было следовать.

...Одолев метров 70, не сговариваясь, все разом остановились отдышаться. Никто ничего не сказал вслух, но все думали об одном – что так будет до самого верха. Иван в числе прочего нес топор. Воткнул его в подвернувшуюся колоду и... так и забыл его там. Видимо, от полноты чувств.

Дальше так и шли. Метров 50 – 80 медленно, тягостного подъёма, – и привал, который с каждым разом становился длиннее. Всё труднее было восстанавливать дыхание. Сильно мешали поваленные поперёк дороги деревья, их приходилось преодолевать либо сверху, цепляясь штанами за сучья, либо проползая под ними, цепляясь рюкзаками. Через полчаса остановились надолго. Просто необходимо было отдохнуть основательней. Несмотря на то, что никто не жаловался, всё же была кем-то озвучена мысль, что «если б заранее знали, каково придётся, то неизвестно, решились бы на этот поход». Дружно согласившись с этим, никто из нас, однако, не сомневался, нужно ли идти дальше. Подъём, правда, стал более пологим, но всё больше бурелома было на пути, и дорога постепенно сходила на нет. Помимо того, стало очевидно, что необходимо сворачивать левее. Пришлось оставить хоть и неважную, но всё же тропу.

Теперь – через лес по косогору. Идти здесь стало немного легче. Кустарников мало, под ногами мягкий мох. Главное, внимательно смотреть под ноги, чтобы как можно реже проваливаться в норы не то барсучьи, не то заячьи, не то ещё чьи. Нор было множество. Казалось, всё кругом изрыто ими. Мох над ними не держал веса человека. Зато какая красота этот лес! Редкие стволы деревьев и ковёр из мхов самой причудливой и разнообразной расцветки. Если бы только не эта изматывающая и уже не прекращающаяся одышка! Воздуха, воздуха! Хотелось оставаться здесь дольше, не спешить, запечатлеть как можно больше фотоаппаратом, но день не резиновый и необходимо подняться на вершину до наступления темноты, разбить лагерь, установить палатку, развести огонь, обсушиться, приготовить ужин. Поэтому шли насколько позволяли силы. Конечно, я делал снимки, но всё больше на ходу, не особо заботясь о художественных изысках и технике съёмки. Но не снимать совсем я просто не мог себе позволить. Когда вокруг такие красоты, в любом из нас просыпается художник.

Но этот сказочный лес скоро кончился, и далее нам предстояло топтать по каменной осыпи. Я написал «топать!» Явно погорячился, так как именно этого делать нельзя было ни в коем случае. Камни, весьма крупные, многие не один десяток кило весом, лежали неустойчиво, всё время норовили качнуться, перевернуться или вовсе покатиться вниз, что представляло угрозу ногам путника.

Здесь вам не равнина,

Здесь климат иной,

Идут лавины одна за другой,

И тут за камнепадом ревёт камнепад...

Мы, конечно, не претендовали, на звание настоящих альпинистов, и камнепады здесь не ревели, но то, что

это, действительно, уже не равнина, а мы уже не были заурядными туристами, никто из нас не подвергал сомнению.

Многие камни, так же как и лес, изобильно поросли разноцветными мхами, лишайниками, цветами в совершенно необычайных комбинациях. По краям камнепад обрамлен лесом. Отсюда открывался обширный вид вниз и вдаль. Наглядно можно было оценить проделанный путь, что мы и делали, любуясь пейзажем во время коротких передышек.

Но что это? Впереди послышался шум. Вода! Ручей? На такой круче? Тот ручей, так мирно журчащий внизу, здесь шумно скатывался по круче многочисленными маленькими водопадами. На карте он был обозначен, но все ж для нас он стал приятной неожиданностью. Снова большой привал, пополнение запасов воды и, конечно, фотосъёмка.

Сделали замеры – высота 1300 метров над уровнем моря. До цели 570 вверх и примерно 2,5 км горизонтально. Казалось бы, уже намного меньше, чем пройдено... Но начинала сказываться усталость и поначалу совсем небольшая нехватка кислорода. Да ещё просчёт в выборе дальнейшего маршрута. Всем надоели камни, поэтому решили идти лесом. Нет бы вернуться к тому лесу, по которому вышли на камнепад, но немного ближе было в другую сторону; туда и направились. Здесь кустарник уже порядочно затруднял продвижение. Да ещё и периодический дождик, который прежде почти совсем не досаждал. Накопившись в листве, он обрушивался крупными каплями с каждого дерева и куста, которые мы невольно задевали. Одежда, обувь и рюкзаки сразу намочили. Мои густо смазанные кремом, надёжные, казалось бы, «берцы», изрядно промоклие, «чавкали» при каждом шаге.

Перед выездом Наташа всё интересовалась, какая местность и растительность там, наверху. Иван ей сказал, что преобладает кедровый стланик. «А что это такое?» – «Увидишь». И вот теперь Наташа обеспокоивалась: идём и идём, а где же он? Дождь! Выход из леса на горную кручу преграждал этот достопримечательный стланик... Высотой по пояс, с наклонёнными, густо разросшимися переплетёнными стволами, он представлял серьёзную преграду. Все мы постоянно запутывались в нём ногами, цеплялись рюкзаками, падали и чертыхались. Порой несколько минут и немало сил уходило, чтобы выбраться из его цепкого плена.

...Выбрались. Огляделись. Лес остался позади и внизу, дальше – широкий склон из камней, местами поросший низким стлаником, и где-то там, вдали, граница между землёй и небом. Это, конечно, ещё не вершина, до неё 1900 метров в горизонтальной плоскости и 450 вверх. Но это всё же какой-то рубеж, хотя бы и промежуточный. Отмечаем, что мы оказались над облаками, дождя уже нет, сквозь туман просвечивает солнце, оно уже клонится к закату (мы на западном склоне), а над нами – большие куски чистого голубого неба. Облака ветром гонит вверх по склону, и нам надо туда же. Так и идём наперегонки с облаками, лидируя попеременно, то оказываясь впереди, оглядываемся и любимся открывающимися видами,

то облака окутывают нас, ограничивая видимость несколькими десятками метров.

И вот ещё напасть.. Моя правая нога! Что ни шаг вверх – судорогой сводит её. Видимо, обезвоживание и нарушившейся солевой обмен дают о себе знать. Отдых, несколько шагов, – и снова боль при каждой попытке разогнуть ногу, поднять себя вверх по склону. Приходится делать маленький шаг правой и большой – левой ногой. Так, подобно инвалиду, продвигаюсь дальше. Участившиеся привалы облегчения не приносят. Несколько шагов – и боль возвращается. Оглядываюсь на следующих за мною и вижу, что им нисколько не легче. Более-менее хорошо держится Иван. Замыкая восхождение, он подбадривает наших спутниц.

А я вдруг замечаю, что, несмотря на боль, иду всё быстрее и начинаю от них отрываться. Кричу им: «У меня открылось второе дыхание! Наверное, близость вершины так на меня действует!». И вот я у кромки подъёма. Дальше уклон пологий, но опять подъём! И далее снова кромка! А где же вершина этой бесконечной горы? Её нет! Рывок вперёд, преодолеваю метров 150 пологого подъёма – и вот она! Передо мной! До вершины 200 метров вверх и 1200 метров по прямой, а идти-то – вокруг направо по плато, далее котловина, пара холмиков и влево круто вверх. А кажется, камень добросить можно. Грандиозность открывающейся панорамы, огромность форм, бездна внизу создают иллюзию, обман зрения. Кажется, всё вокруг рядом, даже горы, находящиеся на расстоянии 30 – 50 км, как будто совсем близко.

Оглядываюсь. Внезапно появляется гонимый ветром туман, подсвеченный солнцем. В тумане возникает тёмный силуэт. Это Иван. А через несколько секунд – две фигуры – Наташи и Юли. Это просто непостижимо! Четыре с половиной часа такого трудного пути – и ни одной жалобы, ни одного каприза! Признаться, это было самое удивительное.

Заходим на плато. Теперь надо быстро определиться, где поставить палатку, развести огонь и сушиться! Всё мокрое, а ведь нам ночевать здесь. Находим относительно ровную полянку среди кустов, ищем сухие ветки и – опа!.. Все три коробки спичек мокрые, а зажигалки нет! А ветки хоть и считаются сухими, то есть высохшие давно и неживые, но влажные от дождя. У всех лёгкая паника. Попытки Ивана зажечь спички не приводят ни к чему. Вдобавок оказывается, что бумага для разведения

огня осталась в машине. Быстро соображаем, что делать, и выясняется, что у нас два рулончика туалетной бумаги. Катаем фитили из бумаги. Я три спички сушу, вода ими по голове среди волос. Чиркаю, и они горят! Удаётся зажечь тонкие прутики, но этого мало. Ломаю куст стланика, хвоя мокрая. Сильно машу пару раз кустом, как веником в бане, стряхивая брызги, и подношу к огню. Несколько секунд только шипение воды, и вдруг с треском, подобно пороху, ветка вспыхивает у меня в руке. И вот уже огонь греет нас, мы разуваемся, от одежды валит пар. Все заметно веселеют. Котелок – на огонь!

– Ой, хочу чаю! Хочу чаю!
Чаю кипячёного!

Всем нам известная песня как нельзя кстати. Сытный ужин, палатка готова принять нас на ночлег. И мы сидим под луной, под звёздами наедине с мирозданием. И вправду, мы одни во всём мире, только луна, звёзды и иногда заяц пробежит невдалеке.

Несмотря на усталость, спать никто не торопится. Ночь выдалась тёплой, почти безветренной, что было удивительно, учитывая, где мы находимся. Неторопливый разговор, чай, домашнее вино собственного изготовления... Кто-то вспоминает разговор внизу с охранниками при шлагбауме, их слова о том, что здесь нам «выпишут протокол»... Представляем, что кто-то пошёл за нами сюда с этой целью. Всем становится весело. Шутки на эту тему становятся очень популярны среди нас. Если где-то вдруг раздаётся какой-то шорох, так это обязательно идут инспекторы... ночью... сюда...

Но всякий энтузиазм и силы имеют свои пределы. Организм требовал отдыха, и мы улеглись.

Не могу утверждать, что сон был крепок и приятен, было довольно жёстко – матрасов с собой ведь не принесёшь, да и Цельсий к утру несколько понизился, но всё же силы мы подкрепили и проснулись перед рассветом. Да и как, находясь тут, пропустить рассвет?

А он был бесподобен! Не разочаровал нас. Солнце, появившееся над вершиной, осветило бесконечный океан белых, как снег, облаков, простиравшихся во все стороны где-то далеко внизу. А вдали, словно острова, из облаков выглядывали вершины гор – «тысячников». И мы сами «плыли» на таком острове.

Короткий завтрак – и в путь. Часовое восхождение и...

И вот на вершине

Я счастлив и нем!

И только немного завидую тем...

Владимир Семёнович, безусловно, был прав. Только... Мы были счастливы, но отнюдь не немые. Мы радовались нашей маленькой победе и выражали нашу радость необычайно бурно. И несколько не завидовали кому бы то ни было. Но душа будто опустошилась: цель достигнута,

теперь надо возвращаться, а это тоже нелегко, и усилий предстоит приложить немало...

На вершину поднялись за пару часов, обошли её со всех сторон. Фото на память. К великому сожалению, Облачная оказалась неприветливой в день нашего восхождения на неё. Пока мы были на вершине, всё было затянато густым туманом и сделать хорошие фото видов местности оказалось невозможным. Но как только двинулись обратно к лагерю, видимость улучшилась, и я вновь вспомнил о фотоаппарате. Снимал всё, что попадалось на глаза: цветы, траву, деревья, кустарники – всё, что казалось интересным и необычным, и, конечно, моих спутников на фоне всего перечисленного.

Возвращаются все

В суету городов.

Возвращаются все –

Просто некуда деться...

И мы отправились в обратный путь. Спускаться вниз, конечно, легче, чем подниматься, тем более что маршрут был несколько подкорректирован – во избежание самых труднопроходимых мест, но нам мало не показалось: давала о себе знать безмерная усталость, колени не гнулись; день выдался жаркий и душный, одолевали полчища mosquitos. А вот и забытый топор! И неужели такой уж короткой была та пологая часть пути? Когда же наконец мы увидим автомобиль, который увезёт нас в «цивилизацию»?

...Что дальше? Не знаю. Сейчас преждевременно говорить о планах и предстоящих походах. Одно могу сказать наверняка: обычная «ванильная» жизнь не для нас... А поэтому обязательно будут у нас и трудные дороги, и новые утомительные восхождения к вершинам недоступных гор, и неизъяснимая красота в радужных брызгах изливающихся водопадов, и многоцветье расстилающихся под ногами чудо-ковров, и эти живые просторы – в звоне, стрекоте и пении, с таинственными шорохами, утренней свежестью и чистотой... И, конечно, много ярких и незабываемых впечатлений.

Вторит ЭХО...

Адела ВАСИЛОЙ,
г. Кишинёв

Совёнок Луна

Совёнок Луна,
в темноте
такой храбрый и зрячий,
установился вдаль,
где алеет и гаснет закат,
где рыжая тучка
всё тянет
свой профиль щенячий,
пытаясь,
по дружбе,
обнюхать и что-то сказать.
А звёзды-цыплята,
рассыпавшись по небосводу,
Нахохлились,
чтоб не замёрзнуть
на синих лугах...
Являя идиллию эту
простому народу,
старик-режиссёр
в ожиданье аншлага зачах..
Ну кто теперь
смотрит на звёзды
и прочие штуки,
когда в каждом доме
по ящику что-то дают,
когда
от придуманной страсти
круги – по округе,
и мелкая рябь
по сердцам
свой проложит маршрут.
А ночь застегнула
свой шёлковый траурный
пеплум
на стразы огней,
что по окнам бессонным горят...
И тлеют сердца,
обращая страдания в пепел,
чужие, как звёзды,
киношные, как звездопад....

Август

Проутюжив неба синь
Над пейзажем с ветхим пирсом,
Солнца бледный апельсин
Вдоль по ветке покатылся,
Собирая по пути
Зрелых яблок отраженья,
Чтобы ими запустить
В окон чёрные мишени...

Сентябрь

Мелодией терпкою
боль сентября
Сочится из ран
отчуждившего лета,
Туманом тоску по утрам серебра,
Предчувствием чуда иного
согрет он.
Собравши плоды
возмужавшей надежды,
Дави винограда
созревшие гроздья –
Веселья источник забьёт,
как и прежде,
В том доме, где осени
вовсе не гости...

Октябрь

Заштриховал в линейку косую
Октябрьский дождь –
листок календаря,
Затем потопал мокрою кошулей
Искать убежище на склоне дня.
Кусты в лохмотья
жалкие одеты –
Погодка не для голых королей,
И чтобы в лужах не мочить
штиблеты,
Ночь встала на ходули тополей...

В тихой заводи...

В тихой заводи душ
расцветают забвенья кувшинки,
Сторожат камыши их покой
от волнений и ряби.
Только ветер шуршит
в тростнике, да небесные хляби
Секют ноты дождей
в попури непогод, под сурдинку.
Не врывается в глушь
суесловие внешнего мира,
Там и горе и радость
пройти норовят стороною...
Отчего ж над водой
лебедь белая стонет и ноет?
Отчего вдалеке
вторит эхо ей грустно и сиротно?

А на том берегу, что открыт
всем ветрам и ненастьям,
Стрелолоист поднимает копье,
словно воин Дианы,
И набухший бутон позывными
в заморские страны
Расстоянья буравит сквозь
мутную толщу пространства.

Там, в далеких краях,
в обрамлении вечного лета,
Под тугим водопадом,
в лесной благодатной прохладе
Белый лотос цветет,
как волшебный Грааль, по-над гладью
Зазеркальных озер,
на другой параллели планеты.

Позывные по чаше стучат
расторопной капелью,
Пробуждая от грёз полуяви
и томной нирваны –
«Я люблю тебя, слышишь?»
Любовь, как открытая рана,
Слоготочит в эфире морзянки
прерывистой трелью...

Старушка осень

Пришла... Ну что ж...
погрейся у костра –
Калина яростным горит
кармином...
Душа же мёрзнет...
блеском серебра,
И мысли в небе тают
узким клином.

Да ты совсем озябла! Неспроста
Укрыла плечи облачным
ватином...

Багровой кровью капает с листа
Сангина недописаной картины.

Старушка-осень,
не горюй, не плачь...
Заменим юность
мудростью, так что же?
Не миновать судьбы.
Но твой палач
Наказан будет и погибнет тоже...
Пройдёт зима...
овесневевший грач
Счета гортанным криком
попытожит.

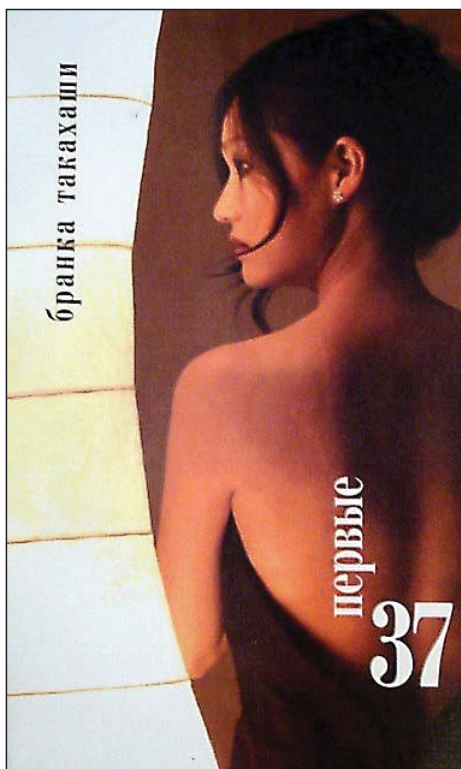
«Первые 37» Бранки Такахаши

В литературу приходят по-разному... и в то же время все одинаково. Наверное, так: просто вопросы о себе самом уже нельзя держать внутри и они вырываются наружу. Если оказывается, что это не только твои вопросы, новый литератор может состояться.

Похоже, мы имеем дело с новым талантливым пишущим, и вдвойне приятно, что его, точнее, её первая книга вышла на российском Дальнем Востоке.

Знакомьтесь – Бранка Такахаши, родилась в 1970 г. (в данном случае о возрасте женщины говорим, ибо она сама о нём говорит) в бывшей Югославии, сербка, что для балканской новейшей истории немаловажно, востоковед и русист, переводчик, кроме того, занимается, как сказано в редакционном предисловии первой книги ее новелл, «художественной светописью». В свое время переводила русскую и японскую прозу. Рассылала в издательства и журналы. Дальше – см. Дж. Лондон, «Мартин Иден»... Судьба распорядилась так, что, как ниточка за иголкой, вот уже много лет следует за мужем – японским дипломатом по жизни (последние 4 года жила во Владивостоке), ну и вот за тем, что обозначено в первом абзаце данной статьи, – в творчестве.

Итак, книга, где шесть рассказов (хотите – новелл) на русском, те же рассказы, но плюс два, – на сербскохорватском (не верьте тем, кто говорит вам, что сербский и хорватский по распаде Югославии стали разными языками), четыре рассказа – на английском (переводы Лайзы Уолкер, Ивана Ющенко и Сони Илич) и один – на японском (а еще несколько стихотворений, весьма неплохих, и художественных фоторабот). Для того чтобы понять, почему рассказов на разных языках разное количество, вероятно, нужно быть культурологом и полиглотом одновременно.

Однако все мы учились понемногу когда-нибудь чему-нибудь, и вот человеку, который, художественно, кроме родного русского, немного владеет еще и английским, и сербскохорватским, книга Бранки Такахаши открывает тайники удовольствий, мало в каких буквенных лесах сокрытых. Например, в параллельных, в общем-то, русских и сербских текстах нельзя не восторгаться работой Бранки с идиомами, фразеологизмами. Например, в рассказе «Поэтическая душа» героине-повествовательнице противостоит-сопутствует подруга-антипод (такое бывает, причем часто) по имени Силвана. До того любвеобильная, что строит глазки городскому красавцу даже на похоронах дедушки парня. Это так задевает героиню, что она

бросает в сердцах: «Силвана, ты не только дура, ты еще и шлюха!» Как о стенку горохом!» (подчеркнуто нами – О.К.). Читаем по-сербски и видим, как заглавный образ (конечно же, Силваны, а не героини-повествовательницы) начинает играть не просто новыми, а уже и какими-то причудливыми красками: «... i rekla sam joj: "Svet nije video takvu drolju!" Kao zidu da govorim!» (Перевод нужен? – О.К.)

Кстати, о героинях-повествовательницах рассказов Бранки. Конечно, в полном соответствии с теорией и практикой литературы ни в коем случае не ставим знака абсолютного тождества между ними и автором во плоти. Но в данном случае хотя бы знак приблизительного равенства поставить обязаны. К этому нас вынуждает и общее заглавие рассказов, и авторское предисловие, где учитель математики из детства автора шутит: «Тяжко только первые пятьдесят, а потом всё пойдет как по маслу...» Автор чувствует «подъемную легкость» уже в 37. И когда поставим знак примерного равенства между повествователем

Бранка Такахаши на открытии своей персональной выставки во Владивостоке

и автором-во-плоти, тогда сквозь, в общем-то, прозрачные, но слюдянистые окна этой прозы увидим почти документальные свидетельства и нашей русской души («Горькая пилюля со сладким сердцем»), и близко-родственной славянской жизни, и вообще никогда и нигде национальных исключительностей не имеющей – женской. Новелла «Дни, или Слегка упрощенная картина одной женской жизни» – тончайшая, похожая на стихи в прозе – настолько же автобиографическая, насколько вообще феминистическая, – новелла, о которой хочется сказать особо. Порядковые числительные и глаголы несовершенного вида (продленного залога?) – казалось бы, какое отношение они могут иметь к женской душе? А вот именно ими автор эту самую душу и описывает. И такие тонкие струны задевает, что и страшно, и восторженно становится. Страшно, что ТАК, а восторженно, что ЧЕРЕЗ ЭТО женщине можно прорваться... Пару цитат для ясности.

«Шестнадцать тысяч семьсот восемнадцатый день моей жизни:

Собирала себя, собирала их, мыла посуду, мчалась на работу. (...) Готовила обед, мыла посуду, мыла окна в зале (остальные помою как-нибудь в другой раз), покупала продукты на ужин. Готовила ужин, мыла посуду. (...) Еле дотащила до постели где-то к часу ночи. Последняя мысль, перед тем как уснуть: для кого вообще печатают книги и снимают кино? Кто их читает и смотрит? И КОГДА?

(...)

Семнадцать тысяч шестьсот двадцатый день моей жизни:

...Мыла посуду... мыла посуду... мыла посуду... Кто готовит, моет и гладит для тех, которые пишут книги?»

Каждой русской женщине надо знать по-сербски: «Prala sudove... prala sudove... prala sudove...» А каждой сербской женщине надо знать по-русски: «Мама мыла раму...»

Рассказы Бранки Такахаши из первого ее оригинального сборника прозы неравнозначны и по густоте содержания, и по тонкости вербально-стилистической вышивки. Есть здесь

довольно «жидкий суп» такого производственного анекдота из жизни новых восточнославянских капслюжащих – «Наследник». Графическими врезами – словами-курсивами, подчеркивающими семантические центры ткани рассказов или их фрагментов, Бранка пользуется довольно умело, но часто злоупотребляет ими (например, с. 16 в русской части, с. 78 в английской). Может быть, несколько избыточен, слишком педантирован феминистский пафос (хотя вот за такую находку «фаллократия беспрепятственно процветала и на нашей кафедре» – поаплодируем!). Но вот первый и равномерно по всем четырем языкам представленный рассказ «Марьяна нашей старости» – это уже без преувеличения высокая проза. Если коротко – это полифония мужских сознаний (стареющих мужчин; заметим, стареющий мужчина – это само по себе драма, что Бранке удалось тонко-нервно передать), это полифония мужских сознаний, собранная вокруг образа Прекрасной дамы, прошедшей через облако блоковской Незнакомки, взрывы тютчевско-гетевских Последних Любостей... и оставшейся именно Марьяной, из этого-и-только-этого текста Марьяной... Это... я не знаю, это уже что-то в такой современной таинственной балканской эстетике сделанное. Здесь что-то близкое Павичу и Петровичу...

Вот такой только вопрос остается: какого литературного полку с выходом этой книги прибыло – русского, сербского? А то и японского? Или этот вопрос неважен? Хотелось бы, чтобы неважен!

ЧЕТЫРЕ КОРОЛЯ И ФАЛЬШИВЫЙ ДЖОКЕР

Так получилось, что моя юность прошла в общении с классикой, вне литературной среды. Поэтому и выгляжу я как поздний современник серебряного века, младший товарищ какого-нибудь Бальмонта или Есенина, но никак не Бродского или Евтушенко.

Общение с себе подобными – второе высшее образование. Получить его в молодости мне не удалось. То многое, что было, помню, как "Отче наш".

Шла вторая половина восьмидесятых, начинали входить в лексикон горбачёвские слова: "гласность, перестройка, ускорение". Слово «демократия» уже писали вне устойчивой связи с эпитетом "западная". Как и в период оттепели, вновь пробудились общественные надежды на исцеление. Хотя, если быть честным, не особо верилось в успех затеянных сверху преобразований, и в поэзии тех лет незримо витал дух Апокалипсиса.

Мне только что стукнуло 30. Я жил в глухом таёжном посёлке Восток, что в семистах километрах плохой дороги от Владивостока. В самом центре Сихотэ-Алиня. "Долиной смерти" называли аборигены орочи то место, где стоял посёлок. В до цивилизные времена и люди, и звери приходили сюда умирать.

Внешне – чудное место! Полноводная горная река, сопки с нетронутым реликтовым лесом, а по ночам – бездонное, усеянное звёздами южное небо, дикие звери, время от времени забредающие в посёлок, – то олени, то тигры, то медведи. Пятиэтажки, пять тысяч человек населения, асфальт – и на сто км на запад и двести на восток ни одного населённого пункта.

Замкнутое, ограниченное крутыми сопками пространство доводит людей, страдающих клаустрофобией, до нервного срыва, если они живут безвыездно более полугода.

Мой сенсорный голод на Востоке, стабильная семейная жизнь способствовали чтению. Я знал всех печатающихся графоманов того времени. Мои полки ломались от стихотворной макулатуры, скупаемой в местном книжном магазине.

В те времена и краевой центр был так же малодоступен для меня, как и столица. Я работал школьным учителем и лишь на каникулах мог себе позволить путешествия. У меня уже были стихи, за которые мне и сегодня не стыдно. Хотелось печататься и непременно – в Москве. Понятно, что я хотел слишком многого среди крепчавшего маразма советского официоза, но, как говорится, хотеть не вредно. На своей территории я нигде всерьёз не отвергался. Меня с первого раза взяли и в альманах "Литературный Владивосток", и в единственный «толстый журнал» "Дальний Восток", и в Дальневосточном издательстве уже приняли первую

рукопись к изданию. Рецензентом был Илья Фаликов.

Сейчас не помню, как у меня оказался московский телефон Ильи Зиновьевича, самого известного из приморских поэтов, жившего в пяти минутах ходьбы от Кремля. У него уже было несколько книг стихов и кой-какая литературная известность. Я чувствовал, что некоторым образом состою с ним в дружеских отношениях, читая его стихи с семнадцати лет. Плевать, что сам автор ничего об этом не знает. На правах земляка я позвонил ему и попросил о встрече.

Встреча состоялась на ступеньках Дома литераторов. Помню, вахтёр неохотно пропустил меня внутрь. Молодость и здоровье там были на подозрении. Лишь плешивые и седовласые, болезненно худые и тучные алкоголики могли носить почётное звание литератора. Я со своей спортивной наружностью тогда ещё не был отформатирован под существовавший в Доме литераторов стандарт и ловил на себе недоумённые взгляды. Фаликов покровительствовал и был снисходителен. Он сам в молодости серьёзно занимался боксом и понимал, что алкоголь, роковые женщины и пожирающее изнутри тщеславие, непереносимые спутники всякого поэта, делают своё дело, и скоро, очень скоро я перестану выделяться наружностью.

"Вдыхай воздух разврата!" – что-то подобное небрежно бросил через плечо Фаликов, ведя меня в местную ресторацию, сумеречное тесное помещение на несколько столов. Время было околообеденное, заведение только открылось, и мы были первыми посетителями. Очевидно, Фаликову льстил мой неподдельный интерес к нему, и в его глазах откровенно плясали смеющиеся черти, но я так рад был приобщиться к живой литературе, что это обстоятельство не омрачало моего праздника. Мы разговаривали о том, о сём – ничего существенного. Через несколько минут в кафе появился Вячеслав Пушкин, ещё одна легенда приморской поэзии. Беспремерный бабник в своём владивостокском прошлом, а ныне покойник с двадцатилетним стажем, он наверняка ещё живёт в сердцах многих своих престарелых поклонниц.

С Вячеславом Пушкиным у меня была связана одна забавная история. Уже будучи студентом филологического факультета Дальневосточного университета, я узнал, что в Москве существует Литературный институт и «заболел» желанием поступить туда.

Заручился для храбрости дружеской поддержкой младшего товарища Александра Колесова, будущего редактора альманаха "Рубеж", тогда странного любопытствующего в местной литературе студента отделения журналистики. Он умопомрачительное количество времени проводил за чтением стихов, и его чемодан доверху был набит стихотворными раритетами дальневосточных издательств.

Со страхом и любопытством первопроходцев мы вошли в Серую Лошадь – так называлось здание, где на первом этаже располагался Союз писателей. Узкий коридор, комнатёнка налево, бильярд прямо и направо громадный зал со старорежимными потолками. Длинный широкий стол для литературных ристалищ.

Секретарский стол стоял отдельно как символ власти.

Серая Лошадь и Союз писателей. Чувствуете Воланда?

Вячеславу Пушкину тогда было тридцать шесть лет, но он мне показался глубоким стариком. Светло-фиолетовая печать вчерашних возлияний проступала в его лице.

На удивление, он легко согласился написать рецензию. Она была почти положительной, и уж точно доброжелательной. Хотя мои стихи были откровенно чудовищными, графоманскими.

Это был первый и последний успех у Серой Лошади. Стоило мне окрепнуть, написать первые приличные стихи, и уже никогда этот бескрылый Пегас не признавал меня за своего. Всё пытался лягнуть, то ногой профессора кафедры литературы и критика по совместительству Сергея Филипповича Крившенко, то пролетарским копытом поэта Бориса Лапузина, лауреата премии местного комсомола, ныне почётного гражданина города и лауреата премии местного авторитета Юрия Николаева, опального мэра, сбежавшего от правосудия за границу.

Борис Лапузин, всерьёз считающий себя лучшим поэтом Дальнего Востока – уникал. Его можно не пародировать. Прочёл название "Топор", потом – первую строчку: "Мой прадед честностью был славен" – и уже смешно, потому что ассоциативно вспоминается "дядя самых честных правил" – вылитый Лапузин с его двойной советской моралью. "Топор" – стихотворение о предке, плотнике, которого чуть ли не Иосифом звали. Прочёл чуть ниже: "Когда топорная работа / Как ювелирная была" – и катаешься по полу от смеха. Или баллада "Приморская легенда" про Фенечку-красавицу, которая учила грамоте местных крестьян, врачевала их. Белые злодеи (очевидно, семёновцы, те же вооружённые земледельцы-казаки, других в Приморье не было) зарубили Фенечку, причём без всяких на то оснований. Пришли красные мстители и рубили белых в капусту за Фенечку-красавицу. Апофеозен конец баллады: "Летели кони красные / Под самым красным знаменем" ну да, краснее и быть не может.

*Уже совсем хорошие,
Сверх смысла и грамматики,
Летели чудо-лошади,
Животные романтики...*

От Лапузина у меня осталась пара разгромных рецензий. Он слишком близко к сердцу принял завет советских профессионалов топить молодых поэтов, как щенков, пока слепые. Главное, что ставилось мне в вину, – "непроявленная гражданская позиция": с кем я, "по какую сторону баррикад в смертельной схватке идей" и т.д. Талантливый человек (это я о себе с улыбкой), убивающий себя в школе ради всеобщего светлого будущего, активист в советском духе, был на подозрении как диссидент. Да, я не рифмовал клятв

преданности родине и народу, как Лапузин. Молча любил советскую родину, жил в соответствии с кодексом строителя коммунизма и был беспощаден к себе, когда речь заходила о качестве стихов. Однако эстетическая состоятельность текстов не рассматривалась, да и было это, по мнению самопровозглашённого мэтра, делом второстепенным.

Некоторые стихи, из разбираемых лжемэтром, позже были опубликованы в "Новом мире", "Литературной учёбе" и даже в витринном издании на иностранных языках "Советская литература". Выходит, я был вполне советским поэтом, вопреки мнению вечно стоящего на посту Бориса Лапузина.

Вячеслав Пушкин, заметно сдавший с последней нашей встречи в середине семидесятых, с печатью близкой смерти на лице, недолго в одиночестве пил кофе. Вскоре появился Юрий Кашук. Лысый, маленький, он чем-то напоминал воробья и был так же нездоров, как и его собрат по перу. Но по-другому – его пожирал изнутри гражданский пламень деятеля. Они так и ушли из жизни вместе: Вячеслав – от рака горла, нереализовавшийся и немилосердно избавленный от необходимости сказать нечто своё, оригинальное, и Юрий – от сердечного приступа на ступеньках местной приморской администрации. Тот вечно был вовлечён в социальную жизнь, в борьбу, имел кучу гражданских иллюзий, за что и был пожалован, как настоящий социальный поэт, ранней смертью.

Кашук принёс свежий номер "Комсомольской правды", где была опубликована статья Игоря Литвиненко. Игорь заведовал тогда критикой журнала "Дальний Восток". Статья называлась "Летела тетеря" и была посвящена главному приморскому графоману и стукачу Борису Лапузину. Она была разгромной. Зубодробительной. Я почувствовал себя отмщённым. Похоже, у нормальных советских людей появлялась возможность жить не по лжи.

Читая газету, я ощущал себя в центре оглушительного водопада живых литературных событий. Я и Фаликов. Я и Кашук. Я и Пушкин (пусть не тот, но звучит здорово!). Четыре короля и фальшивый джокер Лапузин, битый «Комсомолкой» на зелёном сукне питейного заведения Дома литераторов.

Меня распирало от гордости, как солдата-новобранца, свалившегося с пополнением в окоп к настоящим фронтовикам.

Фаликов иронически улыбался. Он был фаталист. Понимал, что от него ничего не зависит.

Кашук озабоченно хмурился, ему хотелось сразаться эффективно. Он верил в себя, в свою страну, в гражданское общество.

Пушкин выглядел уставшим и разочарованным. И в себе, и в жизни, и в литературе как таковой.

"Перемен! Мы требуем перемен!" – пел сумрачный Цой.

Мы ещё не знали, чем закончится головокружительное, свободное, демократическое падение, какие боль и стыд ждали нас впереди.

Август 2009 г.

Как кошка тигра охотиться научила

Разве глупый да трусливый в тайге выживет? Кошка Кейга очень умная и храбрая была. Вот идёт она как-то раз по лесной тропинке. Пушистая, сытая, весёлая – вот какая была эта кошка. Хвостверху подняла. Кончиком слегка помахивает. Слышит: кустарник трещит. Это тигр сквозь него продирается. Ветки ломаются, по бокам его хлещут, по морде царапают. Тигр рычит на них. «Сердитый, – подумала кошка. – Голодный, наверно». Села на тропинке возле высокого дерева, размышляет: «Я шустрей этой громадины. Только кинется на меня – я уже высоко буду». Вот выбрался тигр из кустов. Увидел кошку – как зарычит:

– Съем тебя! Позавт-р-р-р-акау!!!

Пасть открыл такую огромную – три кошки там целиком поместятся! А Кейга сидит – не убегает. В глаза страшному зверю смотрит. Вот какая храбрая!

– Если ты меня съешь – какая тебе польза от этого будет? – спрашивает. – Всё равно голодный останешься. Поймай себе зверя покрупнее.

– Не умею я охотиться, – отвечает тигр. – Слишком я большой, неповоротливый. Все звери ловчей меня. Услышат мои шаги – сразу прячутся. Только ты не спряталась. Вот я и съем тебя.

Не обиделась Кейга. Сощурила глазки, говорит:

– Мы с тобой всё-таки родственники, тигр. Не ешь меня. Давай-ка лучше я тебя охотиться научу. А то с голоду помрешь.

– Научи! – обрадовался тигр.

А сам думает: «Научит она меня охотиться – тогда и съем её».

Вот стала Кейга своего родственника охотничьему ремеслу учить. Сначала показала, как подкарауливать добычу да неслышно подкрадываться к ней.

– Подкрался – замри! – приказывает кошка. – Даже если овод в нос вопьётся – ни лапой, ни хвостом не шелохни! Только ушами и усами шевели: слушай, о чём звери говорят, в какую сторону идти собираются.

Натренировался «ученик» подкрадываться и караулить – стала Кейга учить его стремительному прыжку:

– Видишь, что зверь рядом – отталкивайся и лети на него. Изо всей силы обрушивайся, чтобы он даже не понял, что произошло!

Затеяли кошка с тигром игру. Притаются в засаде. Вообразят, что зверь приближается. Ждут, когда поближе подойдёт. Потом как выскочат, как бросятся на «жертву» и, рыча, «съедают» её.

Кошке-то хорошо – она сытая. А тигр всё голодней и голодней от такой придуманной добычи становится. Вот напрыгались они – сели друг против друга. Отдышаться не могут.

– Всё понял? – спрашивает Кейга, а сама краешком глаза на дерево поглядывает.

– Понял! – рявкнул тигр, оттолкнулся мощным рывком и полетел на кошку.

Не тут-то было! Опередила его Кейга: взмыла ввысь, в ствол дерева вцепилась, со ствола на ветку перескочила. Улегалась в вышине на толстой ветви, весело вниз смотрит, глазки озорно сверкают. А тигр встал на задние лапы, передними ствол царапает, злится:

– Ты почему, Кейга, не показала мне, как по дереву лазить? Сейчас же спустись и научи меня!

– Э, нет, тигр! Этому я тебя учить не стану, – засмеялась кошка. – Ищи свою добычу на земле. А то от тебя никому спасенья не будет.

Так и вышло. Тигр хорошо охотится – но только на земле. А на дерево залезть, в отличие от родственницы кошки, не может.

Тигрица и Одо

Возле речки одинокий дедушка Одо жил. Люди его жалели:

– Одо, немолодой ты уже. Глаза плохо видят. Охотиться не можешь. Впроголодь живёшь. Совсем слабый стал. Переезжай в стойбище. С соседями легче будет.

Дедушка не хотел переезжать. Он очень свою маленькую речку любил. Вокруг бархаты да клёны росли. Лианы плелись. Кедровые ели зеленели.

– Везде такого богатства много, – говорили ему.

Не соглашался старик. Не за каждой рекой Сихотэ-Алинь видно. А за его речкой – вдаль погляди – великие горы увидишь. Рядом с его юртой лиственница росла. Старше реки была эта лиственница. Пятьсот раз за свою жизнь наряд в холода сбрасывала, а к теплу нежными иголками покрывалась. Она привыкла, чтобы Одо рядом сидел. Трубку курил. Или на дудочке-кункае играл. «Как её одну оставишь? – думал старик про лиственницу. – Одиноко ей будет».

Однажды пришла к нему во сне старая женщина. Полог юрты откинула. Вошла и встала у входа. На посох тяжело опирается.

– Здравствуй, Одо, – говорит. – Знаю я, какой ты человек. Зря никого не обидишь. Поэтому и пришла у тебя помощи просить.

Видит старик: трудно гостье стоять. Пригласил её к очагу пройти, на коврик сесть.

– Нет, Одо. Тороплюсь я. Большая рана у меня. Мне её лечить надо, – отвечает старуха. – Пока я лечиться буду, присмотри за моими детьми. Корми и оберегай их.

– Где твои дети? – удивился Одо.

– Река покажет тебе, куда идти надо, – ответила гостья и вышла из юрты.

Проснулся Одо. Стал про сон думать. Думал-думал... Очень на старуху рассердился: не могла толком объяснить, где детей искать? Однако пошёл к реке. Помолился ей, сон рассказал и попросил:

– Помоги мне старухиных детей найти.

Куда река течёт, туда и направился. Река вилась и изгибалась – и его путь вился и изгибался. Много поворотов миновал Одо. Под коряги заглядывал. В дуплах деревьев смотрел. Где глупая старуха детей запрятала? Никак найти не мог. Когда солнце над лесом поднялось, шум водопада услышал. Оторвал старик кусочек коры от ствола даурской берёзы. Измельчил кору и бросил её в падающую воду. Помолился Духу водопада, попросил его:

– Помоги мне старухиных детей найти.

Сел на валежину, трубку раскурил. Вдруг солнце скалу невдалеке от водопада осветило, пригрело. Пошёл к скале Одо. Вокруг обошёл, во все расщелины заглянул. Глубокие они. Темно в них. Надо ждать, пока солнце в каждую заглянет. Вот солнце по небесной дороге идёт, вот уже и к центру неба поднимается, а Одо ещё никого не нашёл. Вдруг один луч в неширокую расщелину занырнул. Что такое? Кто-то маленький в глубине притаился. Тигриной шкурой прикрыт. Одо в расщелину залезть не может. До дна ему рукой не дотянуться. Как старуха детей там запрятала? Пригляделся он повнимательней: это не тигриная шкура – это два тигрёнка лежат!

– Га! – воскликнул Одо.

Понял он: старуха – не человек вовсе. Тигрица в человеческом облике к нему во сне приходила. Видно, ранили её тяжело. Идти не может. Лежит где-нибудь, раны лечит. А душа у неё сильнее ран болит: за детей переживает тигрица. Вот и пришла за помощью к человеку. Стал Одо разглядывать малышей: не шевелятся они. Совсем ослабели. Разволновался старик: не знает, как зверьям помочь. Пошёл он к Хозяйке всех земных зверей – Гуле Азани. Сделал ей сэвохи: три ивовых ветви красной ленточкой связал. У подножия большой горы поставил. Долго молился Гуле Азани. Про тигрят ей рассказал. Просить стал:

– Пойду на охоту – высылай зверей мне навстречу. Для себя никогда не просил у тебя, Великая Хозяйка. Для малых детей прошу. Плохой я теперь охотник: не вижу почти. Смеются надо мной звери. Если не поможешь – умрут с голоду тигрята.

Потом Хозяину коз, Хозяину кабарги, Хозяину кабана и Хозяевам всех других зверей молиться стал. Всем сэвохи ставил и оставлял подарки, какие мог: охапку травы,

орехи, ягоды. Всех о помощи просил. Пошёл он на охоту. Быстро косулю подстрелил. Кусочки мяса на копье протянул в расщелину тигрятам. Учужали они запах – тихо, слабо заурчали. Ожили маленькие хищники.

А душа косули на небо улетела. Там её Тагу мама встретила.

Стал Одо на охоту – как молодой – каждый день ходить. Каждый день с добычей был. Вся тайга ему помогала. Гула Азани и Хозяева всех зверей высылали ему навстречу коз, косуль, кабаргу, поросят. Улетали души убитых зверей на небо. Тагу мама, небесная покровительница зверей, встречала с любовью эти души. Потом вдыхала их в новые шкурки и снова отправляла на землю. Так никогда не прекращалась их жизнь на земле.

А тигрята окрепли. Начали из укрытия выбираться. Сначала боязливо: мордочки усатые высунут, дедушку ждут. Придёт он. Наедятся они мяса – шалют сразу. Старик имена им дал. Девочку Бумбу назвал – толстушка, значит. А мальчика Галини – победитель, чтобы не было ему равных в тайге, когда вырастет. Рычат, кувыркаются, друг друга кусают Бумбу и Галини. Старика с ними радостно. Только тревожно очень: не сидится шалопаюм в ущелье, а в тайге много опасностей их подстерегает.

Долго тигрица не возвращалась. Три раза луну небесная собака съедала – вот сколько времени Одо ухаживал за тигрятами. Вот шёл он однажды к малышам и думал: «Кто их на первую охоту поведёт? Кто покажет, как к добыче подкрадываться? С кем дружить, кого остерегаться следует? У человека свой ум. Кто зверят тигриному уму-разуму научит?» Очень переживал Одо. Как родных внуков, полюбил малышей. Вдруг будто бы далёкие-далёкие раскаты грома долетели до него. «Тигрица рычит. Меня учужала – издали предупреждает», – понял старик. Подошёл поближе, за валуном спрятался, смотреть стал. А тигрица обняла детёнышей. Долго ласкала и нежила их. Соскучилась очень.

Не стал Одо материнскому счастью мешать. Грустный домой вернулся. Слишком привык к малышам. Сел под лиственницей. На кункае заиграл. Про тайгу, про речку, про Сихотэ-Алинь сыграл. Потом его кункай про тигрят запел. Про то, как они, наевшись мяса, борются и кувыркаются в траве. Про то, как Галини-победитель вырастет и царём зверей – Буи Адзани – станет.

Ночью опять во сне старая женщина пришла. Полог откинула, встала у входа и говорит:

– Одо, увидишь добычу тигров на тропе – бери себе.

– Как ты мне можешь такой совет давать?! – во сне возмутился старик. – Человеку нельзя брать зверя, которого тигр убил. Закон такой.

– Ты любовью и заботой моих детей спас. Тебе теперь можно нашу добычу брать, – ответила женщина.

Тут Одо понял, что это опять тигрица в человеческом облике ему снится. А она и говорит:

– Хороший закон не должен над добротой возвышаться.

С тех пор часто находил старик на тропе кусок мяса: это тигры делились с ним добычей.

Много раз лиственница свой наряд меняла. А старый человек, прислонившись к её стволу, трубку курил или на кункае играл. Хорошо им было вдвоём. Не одиноко.

Тигры порой невдалеке сидели. Кункай слушали.

В поисках острова Свободы

В истории российского мореплавания есть уникальный случай, когда восставшие ссыльные захватили корабль и совершили морское путешествие с Камчатки во Францию. Это был первый зафиксированный случай русского пиратства и первое русское кругосветное путешествие. Некоторые из участников этого дерзкого побега позже стали основателями Русской Америки, а предводитель восстания пытался создать вольную республику на Мадагаскаре.

Звенья одной цепи

В феврале 1830 года из ворот иркутской тюрьмы вывезли необычного арестанта - бывшего подпрапорщика Московского полка Александра ЛУЦКОГО. После восстания декабристов его приговорили к 12 годам каторжных работ, он два года провел в Петропавловской крепости и был сослан в Сибирь. В Тобольске Луцкий пытался бежать, за деньги поменявшись именами с бродягой Агафоном, не помнящим родства, но его разоблачили и приговорили к вечной каторге. До Иркутска он дошел по этапу и отсюда отправился в Новозерентуйский рудник Нерчинского завода. В Зерентуе он поселился у семидесятилетнего старика Ивана УСТЮЖАНИНОВА.

Странный то был старик! Обитатели рудника считали его то ли выдумщиком и вралем, то ли выжившим из ума, а дворянина Луцкого поразила круг чтения хозяина. В избе Устюжанинова он нашел сочинения французского математика Блеза ПАСКАЛЯ, римского философа Луция СЕНЕКИ, немецкого мыслителя ЛЕССИНГА, стихи португальского поэта КАМОЭНСА и даже труды отцов американской демократии Томаса ПЭЙНА и Томаса ДЖЕФФЕРСОНА. В библиотеке был и немецкий двухтомник «Приключения и путешествия графа Морица Августа Беневского», изданный в 1791 году в Лейпциге.

В беседах старик упоминал французского утописта СЕН-СИМОНА, героя Американской и Французской революций генерала ЛАФАЙЕТА, вождя польских повстанцев Тадеуша КОСТЮШКО так, будто лично знал этих людей. Рассказывал про остров Формоза и порт Макао, королевство мальгашей на Мадагаскаре и Париж настолько подробно, словно сам там бывал.

Вскоре Луцкий узнал, что старик был сыном камчатского священника и сорок лет прожил на Нерчинских заводах. В середине апреля 1830 года отставной канцелярист Иван Алексеев Устюжанинов скончался, но успел передать своему постояльцу тетрадь, в которой описал свою жизнь. Этот дневник чудом сохранился, он попал к потомкам декабриста, одним из которых был выдающийся русский разведчик Алексей Луцкий, погибший в 1920 году вместе с Сергеем ЛАЗО.

Сливки арестантского общества

Осенью 1770 года в Большерецком остроге на Камчатке собралась интересная компания политических преступников. Все они были «бывшие»: помещик Иппо-

лит СТЕПАНОВ, гвардейские офицеры Иоасаф БАТУРИН, Петр ХРУЩЕВ и Василий ПАНОВ, камер-лакей Александр ТУРЧАНИНОВ, швед Адольф ВИНБЛАНД и поляк Маурций или Мориц БЕНЕВСКИЙ. О каждом стоит сказать несколько слов.

За три года до описываемых событий ЕКАТЕРИНА II создала комиссию для создания нового «Уложения законов Российской империи». Императрица не помышляла, что кто-то из членов этого «парламента» покусится на ее абсолютную власть, но ошиблась. Отставной ротмистр Степанов потребовал всенародного обсуждения будущего законодательства и оказался на Камчатке.

По одному делу с ним шел гвардии поручик Панов, который, ко всему прочему, имел столкновение с фаворитом царицы графом Григорием ОРЛОВЫМ.

Подпоручик Луцкого драгунского полка Батурин еще в 1748 году решил свергнуть с престола императрицу Елизавету Петровну и посадить на ее место великого князя Петра Федоровича – будущего ПЕТРА III. Для этого он пытался поднять в Москве бунт мастеровых суконной фабрики купца Болотина, которые в то время как раз забастовали, и привлечь к этому делу лейб-гвардию. За это Батурин 20 лет отсидел в Шлиссельбурге, но не угомонился, а написал новой царице Екатерине II письмо, в котором напомнил ей об убийстве ее мужа.

Камер-лакей Турчанинов осмелился открыто заявить, что Елизавета Петровна не имеет права на престол, так как является внебрачной дочерью ПЕТРА I от Марты СКАВРОНСКОЙ. За это ему отрезали язык, вырвали ноздри и сослали в Охотск, а после на Камчатку.

Поручик Измайловского полка Хрущев тоже хотел свергнуть Екатерину II и возвести на престол великого князя Иоанна Антоновича, навечно заточенного в Шлиссельбург своими венценосными родственниками. Современники характеризовали Хрущева как «человека отличного ума, с большими познаниями». К прибытию в Большерецк будущего лидера повстанцев Беневского он прожил на Камчатке уже восемь лет, сразу подружился с поляком и стал при нем чем-то вроде замполита.

Кроме арестантов, в остроге оказалась большая группа «вольняшек» – штурман Максим ЧУРИН и 33 зверобоя с промыслового бота «Святой Михаил». Чурин совершал рейсы по маршруту Охотск – Большерецк и стал командиром галиота «Святой Петр», на котором острожники совершили знаменитый побег. Зверобои же оказались в Большерецке после того, как их судно разбилось о скалы, а хозяин вновь приказал им выходить в море.

«Тридцать три богатыря» так припугнули своего хозяина, купца ХОЛОДИЛОВА, что того хватил удар, и они решили примкнуть к заговору ссыльных.

Начальник Камчатки

Признанным вожаком всех этих колоритных людей стал 24-летний Мориц Август Беневский. По отцу он был поляк, по матери - мадьяр. В своих рассказах, а позже в мемуарах он здорово приукрасил свою жизнь, но для того времени это было нормой. Без сомнения, Беневский был яркой личностью, сыном своего века, современником великих авантюристов. Он представлялся генералом армии Барской конфедерации, сражавшейся против войск Екатерины и ее ставленника польского короля ПОНЯТОВСКОГО. На самом деле Мориц был всего лишь капитаном польских гусар, хотя сражался храбро, попал в плен и был сослан в Казань. Оттуда он бежал вместе с товарищем по восстанию майором Винбландом и добрался до Санкт-Петербурга в надежде уплыть в Европу. В столице беглецов схватили и навечно отправили в Охотск, где они встретились со Степановым, Батуриным и Пановым. Беневский не собирался кончать свою жизнь на краю света, и еще по дороге в Большерецк приятели замыслили побег.

В Большерецке тогда жило 90 ссыльных и 70 солдат, казаков и промысловиков. В течение зимы костяк бунтарей объединил вокруг себя больше полусотни человек, включая местных жителей-камчадалов, командира галиота «Святой Петр» Максима Чурина, командира галиота «Святая Екатерина» Дмитрия БОЧАРОВА и даже местного священника Алексея Устюжанинова. Среди камчадалов выделялся бывший участник восстания, поднятого братьями ЛАЗУКОВЫМИ в 1746 году, Яков КУЗНЕЦОВ.

27 апреля 1771 года ссыльные восстали. Комендант НИЛОВ пытался убить вождя повстанцев Беневского, но был застрелен бывшим поручиком Пановым. Через два дня галиот «Святой Петр» вышел в море. Перед этим Ипполит Степанов написал «Объявление» в Сенат, в котором говорилось: «В России начальники единое только право имеют делать людям несчастье, а помочь бедному человеку никакого уже права не имеют. Народ российский терпит единое тиранство». «Объявление» являлось политической декларацией, обвинявшей Екатерину и её фаворитов в бедах, которые они причиняли стране. Оно было оглашено для всех и подписано большинством участников бунта.

С новым «начальником Камчатки» Беневским ушли более семидесяти человек, в том числе 14-летний сын священника Иван Устюжанинов. Штурман Чуринов провел корабль до острова Формоза – ныне Тайвань. Этот моряк был единственным в русском флоте, кто совершил три похода от Камчатки до Америки и Китая. На Формозе произошло первое несчастье. Когда Беневский отправил на остров лодку, чтобы запастись питьевой водой, на нее напали туземцы. Несколько человек было ранено, а Василий Панов погиб. Разъяренный командор приказал спалить туземное селение и утопить находившиеся поблизости лодки пушечными ядрами. В сентябре 1771 года «Святой Петр» пришел в португальский порт Макао в Китае. Там Беневский продал корабль и зафрахтовал два

французских судна для путешествия в Европу. Продажа корабля вызвала возмущение экипажа, и Беневский добился у губернатора заключения бунтовщиков в тюрьму. Он был авантюристом до мозга костей и для достижения цели ни перед чем не останавливался. В тюрьме за полтора месяца умерли 17 человек, включая Максима Чурина и Александра Турчанинова. Ипполит Степанов был оставлен Беневским в Макао и позже добрался до Англии, где и умер. Оставшиеся в живых признали власть предводителя и летом 1772 года прибыли во Францию. В дороге скончался старый бунтарь Иоасаф Батуринов. Таким образом, из 70 человек, бежавших с Камчатки, в Европу прибыли 37 мужчин и 3 женщины. Это был первый случай перехода русскими экватора и Индийского океана и первый зарегистрированный случай русского пиратства.

Король Мадагаскара

В Париже Беневский стал романтическим героем, и французское правительство предложило ему завоевать Мадагаскар. Двенадцать человек решили не расставаться со своим командиром, остальные или вернулись в Россию, или поступили на французскую службу. Штурманы Дмитрий Бочаров и Герасим ИЗМАЙЛОВ жили в Иркутске, а после водили на Алеутские острова корабли, принадлежавшие Григорию ШЕЛИХОВУ. Петр Хрущев стал капитаном французской армии и отправился с Беневским на Мадагаскар. Там же оказался и самый молодой «бунтовщик» Ваня Устюжанинов.

На острове Беневский основал поселение Луисбург и полтора года правил здесь от имени французского короля. Вскоре ему это надоело, и он отплыл в Англию, где прожил восемь лет и писал мемуары. В 1784 году Беневский оказался в Америке, где подружился с Джорджем ВАШИНГТОНОМ и получил деньги на покорение Мадагаскара, куда вернулся в 1785 году. Во всех скитаниях его сопровождал верный Устюжанинов, которому Беневский заменил отца.

В последний период жизни этот не совсем обычный «джентльмен удачи» возглавил восстание племен аборигенов-мальгашей против французов. Возможно, он хотел изгнать с острова всех колонизаторов и стать правителем вольного Мадагаскара. По крайней мере мальгаше объявили его своим королем, а Ивана Устюжанинова – наследным принцем. Туземцы под руководством европейца нанесли французам несколько поражений, но 23 мая 1786 года Беневский, раненный в грудь, умер на поле боя. Так сорока лет от роду погиб на Мадагаскаре бывший узник Большерецкого острога. И хотя его планы не осуществились, сама попытка создать на юге Африки что-то вроде осколка американской демократии вызывает восхищение.

Иван Устюжанинов после гибели своего учителя вернулся в Англию и попросился на Камчатку. Но решением Сената его отправили в Иркутск, где скиталец узнал, что его отец-священник давно умер, но в Нерчинске живет одна из сестер. Так Иван Устюжанинов и оказался в Зерентуе, где декабрист Луцкий принял его последний вздох.

Спасибо за «Литературный меридиан» – умный, благородный, достойный.

Ваш В. Курбатов, г. Псков

С удовольствием читаю стихи и прозу Светланы Шкляевой. Особенно понравился рассказ «Надежда». Слезы текли по моим щекам. Несколько раз перечитывали вместе с внуками.

Галина Ильина, г. Екатеринбург

Рассказ П. Котенок «Человек и крыса» не оригинален. Подобная история была опубликована лет 20 назад кем-то из советских писателей не то в газете «Семья», не то в «Юности» или в каком-то другом «толстом журнале». Редакции «ЛитМ» следует тщательнее отбирать произведения к публикации.

Антон Слепнёв, г. Находка

«Литературный меридиан» получаю вовремя, за что хочется сказать спасибо сотрудникам издания.

Читать обзоры Геннадия Богданова всегда интересно, но хотелось бы видеть больше анализа в материалах Геннадия Валентиновича. «Нравится», «не нравится» – это всего лишь мнение, пусть даже уважаемого литератора. А почему нравится, в чём исключительность, художественная ценность того или иного стихотворения – было бы неплохо пояснять нам, начинающим.

Эдуард Глузский, г. Москва

Отдел книгоиздания

Редакция ежемесячника «Литературный меридиан» возобновляет работу отдела книгоиздания.

Допечатная подготовка книги:

1. Набор текста – от 10 до 25 рублей за лист форматом А-4 (в зависимости от плотности и сложности текста), кегль 12, гарнитура – Muirid Pro, интервал полторный.
2. Макетирование.
3. Верстка текста (1200 рублей за 100 страниц книги).
3. Обработка изображений.
4. Корректурa.
5. Редактирование (цена – договорная).

Для авторов и подписчиков ежемесячника «Литературный меридиан» предусмотрена система скидок.

ТАБЛИЦА СТОИМОСТИ ЭКЗЕМПЛЯРА КНИГИ

	100 страниц		160 страниц	
100 экз.	≈ 50 руб. за книгу (печать на ризографе)		≈ 88 руб. за книгу (печать на ризографе)	
200 экз.	≈ 48 руб. за книгу (печать на ризографе)		≈ 85 руб. за книгу (печать на ризографе)	
300 экз.	≈ 45 руб. (ризограф)	≈ 52 руб. (офсетная печать)	≈ 82 руб. (ризограф)	≈ 75 руб. (офсетная печать)
500 экз.	≈ 40 руб. (ризограф)	≈ 49 руб. (офсетная печать)	≈ 80 руб. (ризограф)	≈ 72 руб. (офсетная печать)

Приведенные расценки актуальны при печати на бумаге плотностью 65 г/см²; обложка мягкая, ч/б; книга сшивается по типу брошюры (при сшивании переплетом А-5 [скобы не видны] стоимость каждого экземпляра книги повышается на 5-10 рублей).

К услугам наших клиентов – коллектив профессиональных дизайнеров, печатников, переплетчиков, редакторов.

Мы готовы работать индивидуально с каждым заказчиком!

Адрес редакции:
Россия, Приморский край,
692342, г. Арсеньев-12, а/я 16.
Тел. (+7) 924-263-29-79
(с 01.00 до 15.00 по Москве)
ICQ 223-267-185
E-mail: Lm-red@mail.ru

Станислав ОРЛОВ,
г. Владивосток

Приказ

(Фантазия на фронтовые темы)

Комроты Иванов сидел в только что захваченном блиндаже, допивал вторую бутылку трофейного шнапса, изредка размазывая по щекам невольные слёзы. Опрокинув последнюю кружку и горько вздохнув, он решительно открыл планшет, достал командирский блокнот и стал писать последний в своей жизни приказ:

Приказ № 13 по 3-й роте отдельного гвардейского разведбата от 13.07.43 года.

За бездарность и плохую подготовку операции по освобождению высоты 33, приведшие к напрасной гибели 33-х рядовых списочного состава роты, приказываю:

Комроты 3, гвардии капитана Иванова Ивана Ивановича, расстрелять.

Комроты 3   Иванов И.   13.07.43.

Ещё раз горько вздохнув, комроты кликнул вестового и приказал вызвать старшину роты. Вскоре в блиндаж ввалился запыхавшийся старшина:

– Товарищ капитан, старшина Жук по вашему приказанию явился!

– Старшина, вот вам письменный боевой приказ, берите отделение Хмелькова и выполняйте!

Старшина взглянул на приказ, его глаза чуть не вылезли на лоб:

– Товарищ комроты, вы что, сдурели, недопили? Так ещё принесу!

– Что-о! Разговорчики! Под трибунал захотел? Выполнять! Кру-гом! Шагом марш!

Прибежав в отделение ефрейтора Хмелькова, старшина показал ему приказ капитана:

– Отделение в ружьё, ефрейтор! Построить в одну шеренгу!

Обратившись к отделению, старшина объяснил, что получил письменный приказ комроты: «Расстрелять капитана за большие потери в роте. За невыполнение – трибунал!

За выполнение – тоже, наверно, будет трибунал! Я решил, приказ выполним холостыми. Сдать подсумки, получить по обойме холостых патронов! Разойдись! Выполняйте».

Старшина собрал все подсумки и тут же принёс «цинк» с холостыми патронами. Вооружив таким образом солдат, старшина повёл отделение к блиндажу комроты.

– Товарищ гвардии капитан, отделение к выполнению приказа готово. Идёмте!

– Старшина, место приведения приказа в исполнение я покажу сам. Идёмте!

Комроты повёл отделение к западному склону высоты, довольно крутому, поросшему лесом, плохо простреливаемому. Остановившись, он обратился к солдатам:

– Здесь надо было брать высоту, немцам нет зоны обстрела, нам есть скрытые подходы. Но роту уже не вернёшь. И всё наше «Давай! Давай!». Стреляйте, не жалейте. Заслужил! Прощайте, товарищи! – Снял ремни, гимнастёрку: – Старшина, сдадите комбату.

Старшина скомандовал:

– Отделение, слушай мою команду! Ружья на изготовку! Заряжай! Прицел – грудь. Целься! Залпом. Раз-два-три – огонь!

Грянул залп. Вздрогнувший комроты побелевшими губами заорал:

– Вы что – хитрить вздумали! Помучить меня решили? Старшина, выполнять!

– Слушаюсь, выполнять! Мать вашу, выполнять! Заряжай! Целься! Пли!

Снова грянул залп, снова все на месте. И снова взревел в ярости комроты:

– Слушай мою команду! Заряжай! Целься! Рядовой Пупкин, держи прицел! Раз-два-пли!

После третьего залпа появился запыхавшийся комбат Пьяных: «Отставить! Что здесь происходит? Доложить!». Старшина: «Разрешите доложить! Выполняем приказ комроты».

– Какой приказ? – «Письменный приказ гвардии капитана – вот он!» – протягивает бумагу.

– Что-о-о! Ефрейтор Хмельков, старшину и капитана обезоружить! В штаб батальона под арест! Утром разберёмся, что это ещё за приказ такой идиотский!

ОФИЦИАЛЬНО

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ПРИСЫЛАЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

1. Произведение присылается **ОДИН** раз.

2. Отдельные произведения печатаются на компьютере или печатной машинке (в крайнем случае – пишутся печатными буквами) с двойным интервалом. На обороте листа **НЕ писать и НЕ печатать**.

3. **КАЖДЫЙ** лист должен быть подписан в правом верхнем углу: фамилия, имя автора (**ПОЛНОСТЬЮ**) и наименование населённого пункта (в том числе – каждое произведение в электронном виде).

4. Фотографии принимаются **ТОЛЬКО КОНТРАСТНЫЕ**, высокого качества.

5. Произведения, присланные по электронной почте, имеют приоритет в публикации (электронный адрес указан в выходных данных).

6. При отправке корреспонденции в редакцию в графе «Получатель» необходимо указывать имя главного редактора **Владимира Александровича КОСТЫЛЕВА**.

Материалы, не соответствующие требованиям, а также работы, написанные неразборчивым почерком, и тем более – ксерокопии и неразличимые компьютерные оттиски **НЕ РАССМАТРИВАЮТСЯ принципиально и в работу НЕ ПРИНИМАЮТСЯ**.

БАЛЛАДА О КОРОЛЕ И МОЛОКЕ

Жил-был...
Совсем недалеко,
в столице,
жаль, не в нашей,
Король,
любивший молоко,
лишь молоко да кашу.

...А в кухне королевской
до полночи с утра
румяные, предезные
ворчали повара:

«И по соседству, и вдали,
и за морем (быть может)
все короли как короли,
а наш-то, – Матерь Божья!

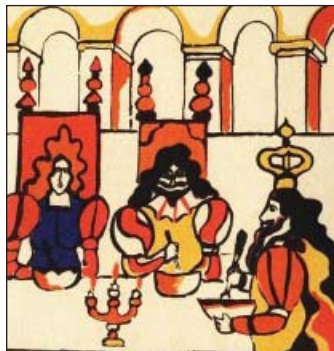
Глядеть не хочет на омлет,
не ест цыплячьих ножек,
на завтрак, ужин, на обед –
всегда одно и то же!

Пропало наше ремесло,
Король руками машет,
в меню
из всех съедобных слов
лишь *молоко да каша!*»

Носил глаза печальные
весь королевский двор,
из королевской спальни
неслось: – Какой позор!

Уже все шепчутся вокруг,
твердит уже весь свет,
что вы,
законный мой супруг, –
Великий Кашеед! –

О язычки
сердитых дам, –
корица, перец, соль...
А впрочем,
вот бы слышать вам,
что отвечал Король!..

Усмешка шла к его усам,
Король-то был не прост
и рос по дням,
и по часам,
и по минутам рос.

Рос всем назло и
вопреки,
рос, как дубы растут,
рос, как от камешков
круги
на зеркалах запруд.

Гроза врагов –
попробуй тронь! –
отважен был и прям.
Не раз твердил,
присев на трон,
поверженным врагам:

«Мне ненавистен пушек дым.
Ответ – для всех один:
чужой и пяди не хотим,
своё – не отдадим!»

... Прочь гнал он
вражеских стрелков
от стен родных и башен...

**А ТЫ, ДРУЖОК,
ПИЛ МОЛОКО?
ТЫ ЕЛ СЕГОДНЯ
КАШУ?**

Перевод с польского
Вячеслава ПРОТАСОВА,
г. Владивосток

Рисунки
Эльжбета МУРАВСКА

СЛУЧАЙНЫМИ СНАМИ

***

И спелые колосья
пшеничного поля вдалеке,
и старые качели
за ветхой оградой,
и глухой рык собаки
во мраке конуры,
и даже гудок тепловоза,
доносящийся из-за перелеска –
всего лишь свет
воспоминаний о детстве.

***

...И вот уже небо не кажется
хрустальным куполом,
и молодость мнится
полузабытой беспечностью,
а младший сын...
заканчивает морское училище.

Настроение

Ночью
все горы – будто близнецы...
читая наизусть Псалтирь,
поди разберись –
которая из них Синай.

***

Полна соблазнов
и разочарований,
мнимых и явных:
потерь, побед,
ошибок, милостей,
многоточий, вдохновений,
пристрастий, клятв,
друзей, талантов
и прочей мишуры –
дорога
от лишь мирозерцания
до всё-таки
миролюбия.

***

Давняя знакомая
пригласила на мелодекламацию
чужих сонетов –
никогда не догадался бы,
что это мой бенефис.

***

Восемьдесят
фотоснимков в час –
такова
средняя скорость
перемещения
дизайнера бюро
допечатной подготовки
из точки А в точку С,
минуя точку В,
Богом забытого
провинциального городка.

***

Прости, что я не
министр чего-нибудь там,
что никогда
не стремился стать
придворным миннезингером;

и даже Четьи Миней
прочитал
лишь единожды за минувший век.

***

Ещё пахнет спелыми вишнями,
ещё полон тайнописи событий,
ещё вдохновенно мил
и неостановимо болтлив –
только что прожитый миг.

***

Чего-то не хватало мне
с раннего утра:
не то воодушевления
в борьбе с липким сном,
не то стакана воды –
непреренно без газа
и без
сахара –
запить снотворное.

Мучился днём...
И лишь вечерние сумерки
внесли ясность:
самостоятельно
из летаргии
не выйти!

***

Дочитывая страницу
холостяцкой жизни,
как водится,
пригласил приятелей
на мальчишник.

Круша кручину
виновника торжества,
вспоминали былое,
крякая от удовольствия,
пили крjшон.

/Лучший крjшон,
замечу по случаю,
подают именно здесь,
в таверне «Фиорд»,
где хозяином
с недавних пор – старый грек./

Блистало всё:
тапёр-волшебник,
темпераментные танцовщицы,
раззадорившиеся товарищи,
лампы, увенчанные светом,
будто протуберанцами, –
Солнце...

а я всё думал о будущем:
в какие тенёта
угораздило на этот раз?

***

Случайными снами –
измеряю жизнь,
стихами – отсчитываю годы,
друзьями – благословляю дни,
молчанием – освящаю мгновения.

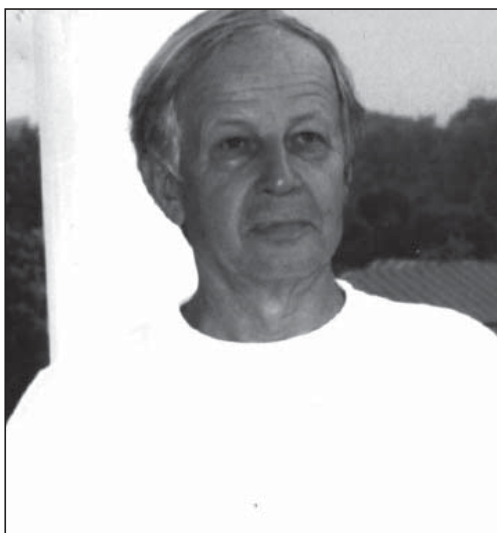
***

Когда у тебя для Неба
не остаётся
ни молитв,
ни благодарностей,
радуйся: ты – необыкновенный.

***

Редкое хайку обходится
без упоминания о пионе...

ЗАВЕТНЫЙ ПЛОД

**Василий ПОНОМАРЕНКО,
г. Ярославль**

Василий Дмитриевич – поэт, член Союза писателей с 1979 г. В 1972 г. окончил заочное отделение Литинститута. Автор 16 книжек стихотворений и очерковой прозы.

Был в доброй дружбе с Ручьёвым, Рубцовым, Передревым.

Заветный плод

Мальцы, мальцы,
как в жизнь входит вам трудно!
Вот первый вскрик натужного труда,
Свершаемого с мамой обоюдно, –
Кровяще-сложного, тревожного всегда.

Она нага... Рожаяще открыта.
И ты весь гол... На темье – волоски...
Дитё впервой свивальником сповито
И в жизнь вошло, смертям всем вопреки.

Бытуй, бутуз! Мозгой и мышцей двигай!
К новопришедшим жизнь всегда строга.
Но всё ж тебя не обнесёт ковригой
Неиссякаемо-господня пирога...

Ты вторгнут в мир,
судьбой не проворонен
В захлётноскачущей вседневной череде,
А в миг любви родительски заронен
Зернятком всхожим в лонной борозде.

Мильоны лет инстинктно и упрямо
Природа нам лелеет ритм сердец!
Вот девочка возникла – будет мама...
Родился мальчик – вырастет отец...

Мальцы, мальцы,
тараньте лбом и сердцем
Пространство жизни, полное борьбы...
Ты явлен в мир – тебе не отвертеться
От всех глобальных сложностей судьбы!

Отгремело

«Рокоссовский рискнул...» –
из выступления ветерана.

Рокоссовский рискнул! –
Колоритная фраза...
Гром и пушечный гул,
Вспышки ярче алмаза, –
Так стряслось на дуге,
Той, что Курской прозвали:
На дуге-кочерге

Мощь Манштейна взломали!
Рокоссовский рискнул,
Жуков тоже не промах...
Гул сражений минул –
Тишь в полях и урёмах.
Из глубин тишины
Эпос дней прорастает,
И великой войны
Подвиг не увядает.

***

Обкатывайте камешки во рту!
Учитывайте опыт Демосфена.
Пройдя косноязычия черту,
Вы слово изречёте вдохновенно.

***

Есть в русском слоге много тайн!
Из них и мы кой-что постигли...
И знаем: слово – не дизайн,
Не разбитное фигли-мигли.

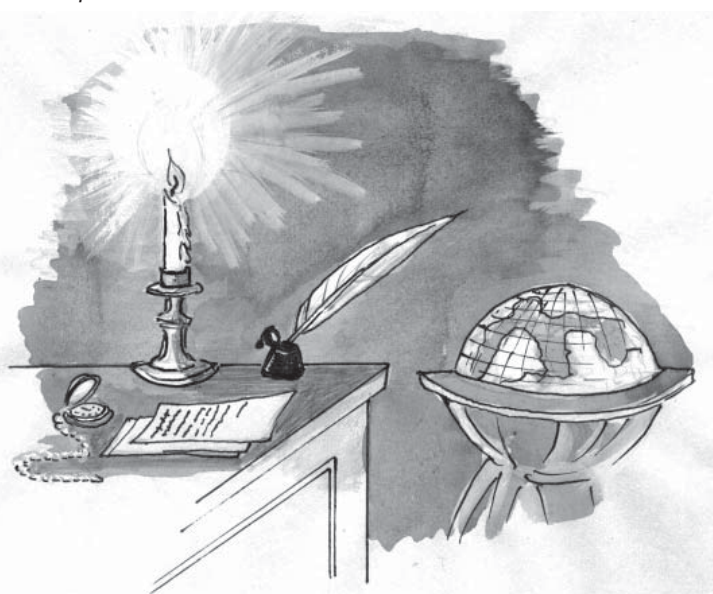
***

В штопор ритмии не сорвись,
Жизнью утомлённое сердечко:
Продолжай мне творческую жизнь, –
В ней и ты останешься навечно!

***

Инсульт – есть нарушение
Кровотока в мозгу...
Плата за прегрешения?
Утверждать не могу!

Сам сего злоключения
Не изведав совсем,
Пью за ненарушение
Кровеносных систем.

Лирическое вчера и сегодня
Рис. Леонида ЧЕРНОВА, г. Уссурийск

ЗА СЕНЬЮ ПОВСЕДНЕВНОЙ СУЕТЫ

«Да будет мне позволено молчать.
Какая есть свобода меньше этой?»

Сенека.

XX век

Вздорный век, всечуждый чарам...
Не по прихоте ль твоей
С повелительным угаром
Расточали нам елей?

Ты туда-сюда бродяга,
Перевертыш, фря, экс-век...
Завернул свою бодягу,
Порезвился и... померк.

Разуверил души наши,
Крови попил, будто гнус...
Черепком испитой чаши
Запустил в больную Русь.

И тебе укором будет
Даже явный техпрогресс.
Двадцать первый век рассудит,
Чей ты предал интерес.

Боль

Я это пережил
и тризной по «Союзу»
Был удручён,
как многие другие.
«Союз» тонул при мне,
пыхтя ноздрями клюзов,
И не швартовы рвал,
а помыслы людские.
С тех пор ответствен я
за фортели ля-лящих –
Свои и остальных,
себя щадящих.

Приморье

Люблю печаль твоих долин,
Таёжных сопок окоём...
Я твой непришлый паладин,
Здесь мои весь и дом.

Люблю тайгу и мелколесья,
Овал озёр, извиивы рек...
Я здесь родился, вырос здесь я,
Здесь довершу свой век.

Люблю морской волны накат
И грозный шип их пенных стоков...
Ты, как незыблемый фрегат,
Русь стережешь с Востока.

Монолог о рифмах, мэтрах и о себе

Созвучные наперсницы стихов,
Нас ваша изведёт
неуловимость...
Парнасских почитая лишь богов,
Вы с паствою не склонны
на взаимность.

Нередко только
бедных двойников
Взамен себя – сановных и богатых,
Нам рады сбывать,
как устриц из садков,
Уже давно гурманами початых.

И вас я понимаю, не сердясь...
Воззрясь на двуглавую вершину*,
С её богами обрету ли связь,
Смирняя гордость,
не сгибаю спину?..

И будут ли ко мне благоволить
Они, Кастальские седые старцы,
Как с ровнею когда-то говорить,
А я их почитать, слагая стансы?

* – гора Парнас.

Прозрение

Бывает, жизнь потянет вожжи,
И не туда, куда стремился...
Ты на дыбы тотчас не взвился,
Не ржал во злобе, и лишь позже
Сам понял вдруг,
что дал промашку.
Но поздно, брат, –
уж не тебе седло,
И ноги путами свело,
И над тобой
кнутом дают отмашку.

У исхода

За сенью повседневной суеты
Уже не вижу в жизни
перспективы...
Поступков прошлых суть
и их мотивы,
Событий давних общие черты
Пытаюсь воскресить,
вернуть их вспять,
По топям памяти наладив гать.
Но главного припомнить
не могу –
Одни штрихи и смутные детали.
Года экспрессом мимо пролетали
И я, спешащий, вечно на бегу...
И так вся жизнь,
как гонка без оглядки.
Куда, зачем? – безмольвье
за вопросом.
Судьба со мной играла в прятки,
Но я её оставлю скоро с носом,
Когда меня среди крестов и звёзд
Определят навечно на погост.
...И пусть поищет ветреная дама
Уже ей недоступного Адама.

* * *

В радикулитном
скрючившись простреле,
Когда ни выдохнуть
и ни вздохнуть,
Когда и жив-то еле-еле,
Я всё ж понять пытаюсь суть:
За что карает нас Творец
Таким количеством болезней?
Кому желанней и полезней
Наш преждевременный конец?
И, может, выскажу здесь ересь
Тем, что готов предположить:
Не в том ли жизни есть
вся прелесть,
Что нам дано не вечно жить?

ОЩУЩЕНИЕ ПОЛЁТА

Геннадий БОГДАНОВ,
г. Хабаровск

УЩЕРБНАЯ ЛУНА

С.Г. Толкачёву

Ущербная луна,
угрюмый берег устья.
Здесь бесполезность фраз
сплетается в ничто.
Как долго длится сон!
Когда-нибудь проснусь я...
(Во времени каком
и рядом будет кто?)

Душа... Над ней давно
витают безразличье.
И этому виной
всё тот же тяжкий сон.
Попробуйте поймать
виновника с поличным:
Он ловок и хитёр,
бесплотен, невесом.

Да если б только здесь,
где веет одиноко
Прохладный ветер гор
и плещется вода –
От западных границ
до Дальнего Востока
Спят беспробудным сном
деревни, города.

Но лишь седой старик,
проснувшись на рассвете,
Откроет дверь свою
и выйдет за порог –
Охватывает всех
подобострастный трепет,
На лицах торжество,
покорность и восторг!

Как долго длится сон...
Когда-нибудь проснусь я...
(Во времени каком
и рядом будет кто?)
Ущербная луна,
угрюмый берег устья.
Здесь бесполезность фраз
сплетается в ничто.

***

В моей усталой мастерской
Окно, зашторенное снами.
Не знаем мы, что будет с нами
И путь нам предстоит какой.

Трамвай привычно простучит
Железным колесом по стыкам.
Душе не распластаться криком,
Следы теряются в ночи.

***

На столе, фаянсом отливая,
Голубая вазочка стоит.
Что сказать тебе, моя родная?
Из окна довольно грустный вид.

Пешеход случайный, да хромая
Собачонка мёрзнет и скулит.
Всё она, конечно, понимает,
Только ничего не говорит.

Панораму эту дополняет
Железобетонный монолит.
Я и сам теперь не понимаю,
Отчего душа моя болит.

НА ДАЧЕ

Три дня гроза не умолкала.
Посёлок дачный опустел,
И только что-то мне мешало
Покинуть ветреный предел.

Взор устремляя к небосклону
Сквозь запотевшее стекло,
Грустил, но радовался дому,
Где время медленно текло.

***

Привычный ход вещей
художником нарушен.
Он вечность воплотил
в пергамент и металл.
Его резец скользил
по мрамору послушно,
И карандаш, как нерв,
в ладони трепетал.
Он забывал о сне,
вине и развлеченьях

И лишь одну мечту,
как жизнь, боготворил.
А жизнь его была
в огне самосожженья –
Причём здесь красота,
спасающая мир?

СТАРЫЙ ДОМ

Надменно медный маятник
качался,
И сумерки сгущались за окном.
В глубокое раздумье погружался
За каменной оградой старый дом.

Ещё теней неясных очертанья
Пытались распластаться
на стене.
День умирал,
и ночь стирала грани,
И призрак тайны
прозревал во мне.

Часы в дубовом ящике ворчали,
И только после раздавался бой.
Я насчитал одиннадцать
в печали,
Вдруг вспомнив встречу давнюю
с тобой.

А ночь ожесточалась
с каждым часом,
И надо было это пережить,
Чтоб никогда сюда
не возвращаться
И оборвать надежды зыбкой
нить.

ОЩУЩЕНИЕ ПОЛЁТА

Вся жизнь моя в полуподвале.
Я родом из окрестных мест,
Где мне такое преподали:
«Не выдаст Бог, свинья не съест».

Но поиск истины печален.
Преподавателей кляня,
Я чувствовал, что за плечами
Должны быть крылья у меня.

Если...

Кирилл КОВАЛЬДЖИ,
г. Москва

Обзор современной поэзии

Поэты, поэтессы –
Гламур и ширпотреб...
Дерьмо, деликатесы...
Большая редкость – хлеб.

*

Лаура, Беатриче, Натали...
Какие бы ни возникали споры –
Что поэтические горы
Без этих дочерей земли?..
Без Любы, Лили, Айседоры.

*

Утомили белый свет
Современные поэты,
У которых есть секреты,
У которых тайны нет...

* * *

Танцевала не на пнях –
На иголочках...
Ты не из земных девах,
Не приколочка –
На твоих босых ступнях
След от облачка!

* * *

1. В самолёте

Ни с того ни с сего – Ашхабад
подвернулся на склоне
моих путешествий
(эхо вторит –
на фоне каких сумасшествий),
этот странный,
не мне предназначенный град.
Старость... Осень...

Ночного полёта бросок.
А вчера изводила меня аллергия...
То, чего излечить не сумела

Россия,

Это сделает Азия, юго-восток..
Впереди, за горами, Герат –
Он останется недостижим
Для меня,
проскользнувшего краем
между адом и раем –
туда и назад...

2. В Москве

Говорил мне приятель:
так и пиши –
самодур сумасшедший
туркменбаши
понастроил дворцов,
павильонов, фонтанов
на безлюдье –
для призрачных ханов,
золотой мусульманский сад,
для блезиру
на зависть миру
супервыставка – град Ашхабад...

Это так, но вернувшись в Россию,
я почувствовал вдруг
тоску-ностальгию
по Копетдагу, по яркой жаре,
по сочному солнцу с утра
в октябре
и добрее стал думать о самодуре,
чья оратория в архитектуре, –
ибо сей самодур сотворил
не гулаг,
а инфантильную грёзу
в натуре...

Солнце. Золото. Сон. Копетдаг.

*

– Я дам тебе крылья, Икар!
Железные крылья...
Он взял, полетел,
Разбомбил Хиросиму...

*

Бухарина, любимчика партии,
Расстреляли...
и восстановили в партии...

* * *

Когда изгнали
Адама и Еву,
в раю не осталось
ни одного человека!

* * *

Сорвав очередной листок
календаря,
хочу я собрать
моих младших собратьев –
Александра Сергеевича,
Михаила Юрьевича,
Владимира Владимировича,
Сергея Александровича.

– Садитесь, пожалуйста.
Я расскажу о неведомой вам
старости...

Это, конечно, гадость,
но в ней есть своя прелесть,
ей богу!
Только Александр Сергеевич,
Михаил Юрьевич,
Владимир Владимирович,
выньте, пожалуйста, пули,
А вы, Сергей Александрович,
снимите петлю, пожалуйста!

* * *

Становится русских всё меньше?
Становится русских всё больше!

Чего мигранты достигли?
Они всё в большем числе
Переправляются в русском тигле,
В крепчайшем языковом котле.
Красотки любого цветения
Извечно годятся в подружки нам;
Даже негр через два поколения
Становится Пушкиным!

Если...

Пушкин ушел из дому,
Не Лев Николаич Толстой.
Судьбу изваял по-другому
Поэзии век золотой.
Не был в Санкт-Петербурге
Убит Александр второй.
Руси православной турки
Вернули Царьград святой.
Ульянов стал адвокатом,
А Джугашвили попом.
Россию в веке двадцатом
Не перевернули вверх дном...

СВЕТ ПОБЕЖДАЮЩИЙ ПРИЕМЛЮ

БУРИДАНОВ ОСЁЛ

Сквозь кожу сгнившую торчат,
Белея – с мясом чёрным, – рёбра.
Тут нерешительность,
как кобра
Ужалила – смертельный яд.

И рядом две копны гниют.
Душистым было это сено
И очень вкусным, несомненно.
Да выбор – слишком сложный
труд.

Не так ли человек порой
Меж двух возможностей
потерян?
Для хода правильного – зелен,
И выбор делает дурной.

ВОЛШЕБНЫЙ МОЙ КИНЕМАТОГРАФ

Волшебный мой кинематограф!
Линяют мерно небеса.
Своей фантазии биограф,
Гляжу на мир во все глаза.

Нет, в кинозал уже не стоит,
Поскольку вырос, заходить.
Предложит тысячи историй
Мне старый двор –
их не забыть.

Волшебный мой кинематограф!
Проехал, прозвенев, трамвай.

И звёзды разронял пантограф.
Скорее, зритель, собирай.

Всегда с потёмками в союзе
Ноябрьский норв бытия.
Зачем же обращаться к музе,
Коль жизнь поэмой слышу я?

И всё ж, хорош кинематограф,
Пусть в разрывах шаровых.

Соседний дом даёт иероглиф
Набором окон световых.

Свет побеждающий приемлю.
Не верю я, что темнота
Проглотит все мечты и землю,
Раз есть над нами высота.

ОТЧАЯНИЕ

– Куда ты? – Прогуляться...
Я не знаю! –
Ошпарен мозг,
как будто кипятком.
– Сядь. Хочешь коньяку?
хотя бы чаю?
– Ах нет, отстань! –
И словно незнаком
Ей муж – она глядит, не различая
Черты лица, привычные весьма.
Что он толкует про печеньё
к чаю?
Ей кажется, она сойдёт с ума.
– Отстань! – кричит, – отстань!
– Да что, родная?
– Бесчувственный! за гробом
сына ты
Шёл так спокойно,
будто напевая!
– О что ты, нет!
я сгусток пустоты!
– Да, пустоты –
не боли той кромешной,
Что ест меня!
тебе же всё равно!

(На улице закат алеет вешний,
и ветка вишни трогает окно.)

– Пройдешься, станет лучше?
– Я не знаю,
я так устала... да – и от тебя.
Я в жизни ничего не понимаю,
И... что же с нами делает
судьба?

Соят в прихожей.
Муж обнять за плечи
Жену стремится.
Оттолкнула зло.

– Пройдешься – будет легче?
– Где там легче!
– Останься!
– Нет, пойду, пока светло...

ЛАБИРИНТ

На негнущихся ногах
Некто входит в лабиринт.
И сейчас, конечно, страх
Запускает острый винт.

Иль янтарный бедный мозг
Лабиринту сроден сам?
Опыт нарастёт, как мох
На мечтанья – ясно вам?

Иль действительность сама –
Сумма лестниц и путей?
Так сложна! Сведёт с ума
Щедрой данностью своей.

Есть грамматика – она
Сводом правил нам дана,
Чтоб друг друга понимать.
Явь не стоит усложнять.

Стоит! Области высот
Требуют величья душ.
Лабиринт куда ведёт,
И зачем ведёт к тому ж?

Если алгебры сады
Дарят ценные плоды,
Что же ждать от языка?
Массу книг хранят века.

На негнущихся ногах
Некто двигается, но
Всё же не уходит страх,
И к тому ж вокруг темно.

Мысли – мол, с рожденья влип –
Ты не доверяй. Ведёт
К свету лабиринт, велик.
Свет всегда в итоге ждёт.

Миную пропасть

Валерий КУЛЕШОВ,
г. Владивосток

* * *

Ловцы любви,
коль в собственной груди
она не проживает изначально, –
искать её на пляжах,
в скверах, спальнях
абсурдно, как покойника будить.

* * *

Неприкаянна, как котёнок
бездомный в непогоду зимой.
Взгляд хлестнул
умоляющим стоном
по душе моей глухонемой.
Стон твой нынче её не ранит.
В прошлом – чувства
и в прошлом боль
мук, страданий и состраданий.
А теперь, дорогая, уволь!
И не надо всемирной бучи.
Не вздымай свой девятый вал.
Пусть ты можешь, как прежде,
мучить –
я же мучиться перестал.

* * *

Любовь ушла.
Вот так уходит поезд.
Всё дальше, дальше
хвостовой вагон.
И не вернуть. Промозглою тоскою
дохнул перрон.

Студёный ветер. Сырость.
Нахлобучу
на уши шляпу и – к себе, домой...
Но дома холодно и свет отключен.
Лишь я – живой.

Сам судия – и сам теперь ответчик.
Вернуть любовь и снова всё начать!
Но грязный воск,
наплывший на подсвечник, –
уж не свеча.

Любовь ушла. Так близкий умирает.
Вернуть! Спасти! Я чувствую вину
и шансы вновь в душе перебираю...
Но не вернуть!

* * *

«Уходи!» – аж зимой повеяло.
Холоднее нельзя сказать.
Взгляд пытался поймать,
но глаза
ты прикрыла ресничным веером.

Сердце – будто ожглось
крапивою.
Но, под рёбрами спрятав крик,
я любви моей черновик
смял и кинул в метель
тоскливую.

И расстались навек, как водится,
словно жизнь у нас не одна,
словно вновь вернётся весна
наших встреч –
и любовь продолжится.

* * *

Ждал в привокзальном шуме-гаме.
Пришла – и в мёртвой тишине
«прощай» бездушное, как камень,
ты положила в душу мне.
И уходила в даль разлуки,
под товарняк швырнув цветы.
Краснел твой плащ над виадуком –
горели шаткие мосты.

* * *

Ты ждёшь любви, чтоб – по уму,
как арифметика, надёжной.
Один прибавить к одному –
такой пример решать несложно.
Но если б Бог меня с тобой
обрёк на брак для этой цели,
ты стала б юною вдовой
не позже, чем через неделю.

* * *

Счастье наяву, а не во сне:
в райский сад распахнуто оконце,
и спешит любимая ко мне
в фейерверке радости и солнца.

Явь как сказка.

В ней мне жить и жить!
Голос пел: «Мы будем вечно
вместе,
но ты должен многое свершить,
чтоб прийти со славою
к невесте...»

И всесильным далью штормовой
шёл я к цели, с бурями сражаясь.
Вот вернулся – годы за спиной –
пусть не знаменит, но уважаем,
чтоб, смеясь в объятиях чужих,
мне моя – моя! – сказала фея:
«Юность я. Обиды не держи,
что теперь я стала не твоею».
И в заре растаяла с другим,
так грешна, божественна,
счастлива!..
Мчалась жизнь, верша свои круги,
так права и так несправедлива!

* * *

Миную пропасть –
мне известны тропы.
Не у меня иллюзия гостит.
Октябрь – не май:
лиственной покинут тополь;
дым над трубой не движется –
висит
на дремлющем безветренном
рассвете...
У клетки с сердцем ум настороже:
в девчоночку, что ждал
всю жизнь, – и встретил,
влюбляться не положено уже.

* * *

Золотая твоя коса
на спине загорелой лежала.
Рядом рыжее, как лиса,
солнце хвост свой
в реку погружало.
Обернулась. Лучащийся след
показала на небо седьмое.
Я нырнул в твой ликующий свет –
и обжёгся водой ледяною.

ТОЛЬКО ДО 31 ОКТЯБРЯ!

Льготная подписка на наше издание

Подписка-2010

Подписаться на ежемесячник «Литературный меридиан» можно с **ЛЮБОГО** месяца, отправив почтовым переводом соответствующую сумму по адресу: **692342, Приморский край, г.Арсеньев-12, а/я 16.**

**Костылеву
Владимиру Александровичу.**

1 месяц — **55** рублей,
2 месяца — **90** рублей,
3 месяца — **125** рублей,

6 месяцев — 220 рублей,
1 год — 430 рублей.

ВНИМАНИЕ!

Вы можете оформить подписку даже на номера, вышедшие с начала текущего года.

К подписавшимся ежемесячно просьба указывать сроки начала и окончания подписки.

Благодарность

Участники автопробега, посвящённого Дням славянской письменности во имя Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия благодарят членов уссурийского музыкально-поэтического объединения «Звуки лиры» (руководитель Светлана Королева) за помощь, оказанную в организации и проведении мероприятий.

Отдельную благодарность выражаем арсеньевцам – Кончатным Елене Васильевне и Ивану Васильевичу за гостеприимство и отзывчивость.

Книжная полка

**РЕДАКЦИЯ «ЛИТЕРАТУРНОГО МЕРИДИАНА» ПРЕДЛАГАЕТ
ПРИБРЕСТИ КНИГИ:**

КОСТЫЛЕВ Владимир. *Два кофейных зёрнышка.* Сборник коротких рассказов. Арсеньев, 2009 г., изд-во «Литературный меридиан». 120 страниц. Цена 80 рублей (с почтовыми расходами – 110 руб.).

ПРОТАСОВ Вячеслав. *Свобода выбора.* Верлибры. Владивосток, изд-во «Народная книга». 2009 г., 92 страницы. Цена 70 рублей (с почтовыми расходами – 100 руб.).

ПРОТАСОВ Вячеслав. *Вишнёвая косточка.* Стихи. Владивосток, изд-во «Народная книга». 2004 г., 168 страниц. Цена 80 рублей (с учетом пересылки – 110 руб.).

ПРОТАСОВ Вячеслав. *Разговор на языке души* (переводы Эмили Дикинсон). Стихи. Владивосток, изд-во «Народная книга». 2004 г., 148 страниц. Цена 80 рублей (с почтовыми расходами – 110 руб.).

ПРОТАСОВ Вячеслав. *Шестая стихия* (переводы Сайто Санэмори). Избранные хайку. Владивосток, изд-во «ORIENT». 2007 г., 84 страницы. Цена 70 рублей (с почтовыми расходами – 100 руб.).

Указанная сумма перечисляется почтовым переводом на имя главного редактора «Литературного меридиана» Костылева Владимира Александровича по адресу издания с обязательным указанием цели платежа.

© Литературный меридиан

Все права защищены.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Россия, Приморский край,
692342, г. Арсеньев-12, а/я 16.

Тел. (+7) 924-263-29-79
(с 01.00 до 15.00 по Москве)

ICQ 223-267-185

E-mail: Lm-red@mail.ru

Газета «Литературный меридиан» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Per. ПИ № ФС 77-33178 от 18 сентября 2008 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ: Костылев В.А.

СОУЧРЕДИТЕЛЬ:
коллектив редколлегии.

Главный редактор Владимир КОСТЫЛЕВ
г. Арсеньев Приморского края.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Геннадий БОГДАНОВ,
зам. главного редактора,
г. Хабаровск.

Сергей БАРАБАШ,
г. Владивосток.

Иван КОНЧАТНЫЙ,
г. Арсеньев Приморского края.

Ирина БАНКРАШКОВА,
(представитель в г. Хабаровске,
тел. 8 924-206-04-76).

Объём издания – 4,5 печатных листа.
Тираж 500 экз. (включая эл.версию).
Номер подписан в печать по графику и фактически 17 августа в 8-00.
Отпечатано в ОАО «Типография № 6»,
г. Арсеньев, пр. Горького, 1. Цена свободная.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

Владимир ТЫЦКИХ,
Юрий КАБАНКОВ,
Вячеслав ПРОТАСОВ

- При перепечатке ссылка на «Литературный меридиан» обязательна.
- Мнение редколлегии не всегда совпадает с мнением автора.
- Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- Срок хранения рукописей в архиве редакции – 1 год.
- Авторы несут ответственность за достоверность своих материалов.
- Редакция имеет право отказать в публикации.